УБИТ ЗАОЧНО

ИСТОРИЯ ТОГ. КИНЖАЛОВ И МАГИИ

АСАФ МЕР

Асаф Мер

Убит заочно

«Литео»
2017

УДК 82/821-821.161.1-312.9
ББК 84-445.1

Мер А.

Убит заочно / А. Мер — «Литео», 2017

ISBN 978-5-00071-922-0

«Данная книга, сюжет которой представляет собой «крутой» детектив, стала плодом моей любви к фантастике и Древнему Риму. События романа разворачиваются в Эгретии, вымышленном городе, поскольку я не хотел привязываться к конкретному периоду римской истории с реальными фигурами и событиями. Этот город стал собирательным образом тысячелетней Римской республики, многих имперских земель, а также экзотических территорий того времени, как, например, Александрия. Для фантазийного мира я позаимствовал многие латинские термины и даже чрезмерно увлекся некоторыми. Надеюсь, многие из них будут вам понятны из контекста, однако для лучшего понимания в конце книги вы найдете глоссарий и некоторые заметки…»

УДК 82/821-821.161.1-312.9
ББК 84-445.1

ISBN 978-5-00071-922-0

© Мер А., 2017
© Литео, 2017

Содержание

Предисловие 6
Карты 7
Свиток I – Кэзо 9
Глава I 9
Глава II 17
Глава III 22
Глава IV 27
Глава V 32
Глава VI 38
Глава VII 43
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Асаф Мер
Убит заочно

© А. Мер, 2017
© "Литео", 2017

* * *

Посвящается моей очаровательной жене Джулии, без которой эта книга не состоялась бы, а Феликс оставался бы обычным полосатым котом.

Предисловие

Данная книга, сюжет которой представляет собой «крутой» детектив, стала плодом моей любви к фантастике и Древнему Риму.

С тех пор как я пошел в начальную школу и в мои руки попали комиксы «Астерикс», меня всегда влекла история древнего мира, и в частности Рима. Это влечение особенно обострилось во время первой поездки с родителями в Италию – моему горю не было предела, когда они тащили меня в «очередную церковь с изображенными на потолке ангелочками», но я был несказанно счастлив целый день провести в окружении древних руин. Далее жизнь шла своим чередом до тех пор, пока несколько лет назад на ярмарке подержанных книг я случайно не наткнулся на роман Линдсей Дэвис о Марке Дидии Фалько. Я заново влюбился в Рим – на этот раз будучи уже циничным взрослым.

События романа разворачиваются в Эгретии, вымышленном городе, поскольку я не хотел привязываться к конкретному периоду римской истории с реальными фигурами и событиями. Этот город стал собирательным образом тысячелетней Римской республики, многих имперских земель, а также экзотических территорий того времени, как, например, Александрия. Для фантазийного мира я позаимствовал многие латинские термины и даже чрезмерно увлекся некоторыми. Надеюсь, многие из них будут вам понятны из контекста, однако для лучшего понимания в конце книги вы найдете глоссарий и некоторые заметки.

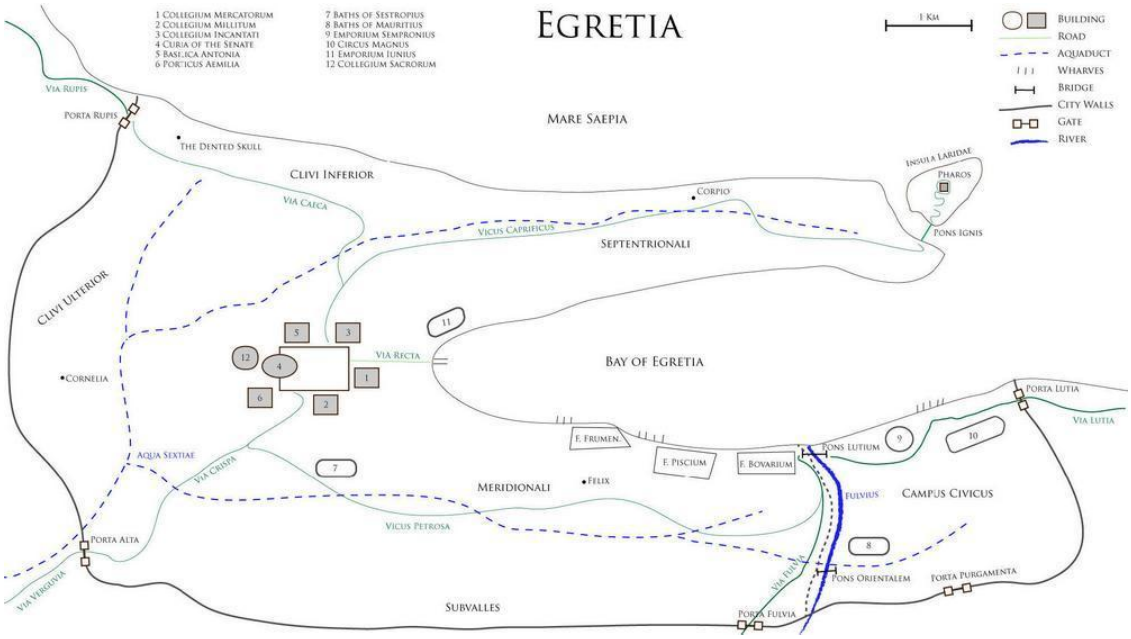
И наконец, я благодарю людей, которые вдохновили меня на создание книги и помогли мне в этом. Прежде всего это моя жена и муза Джулия, мои друзья и родные, выполнявшие функцию редакторов, – Рамит Меер и ее муж Эрик Кляйн, друзья Алекс Эбрейт, Боаз Карни, а также Липакши и Ракеш Дас. С вашей помощью книга стала намного лучше.

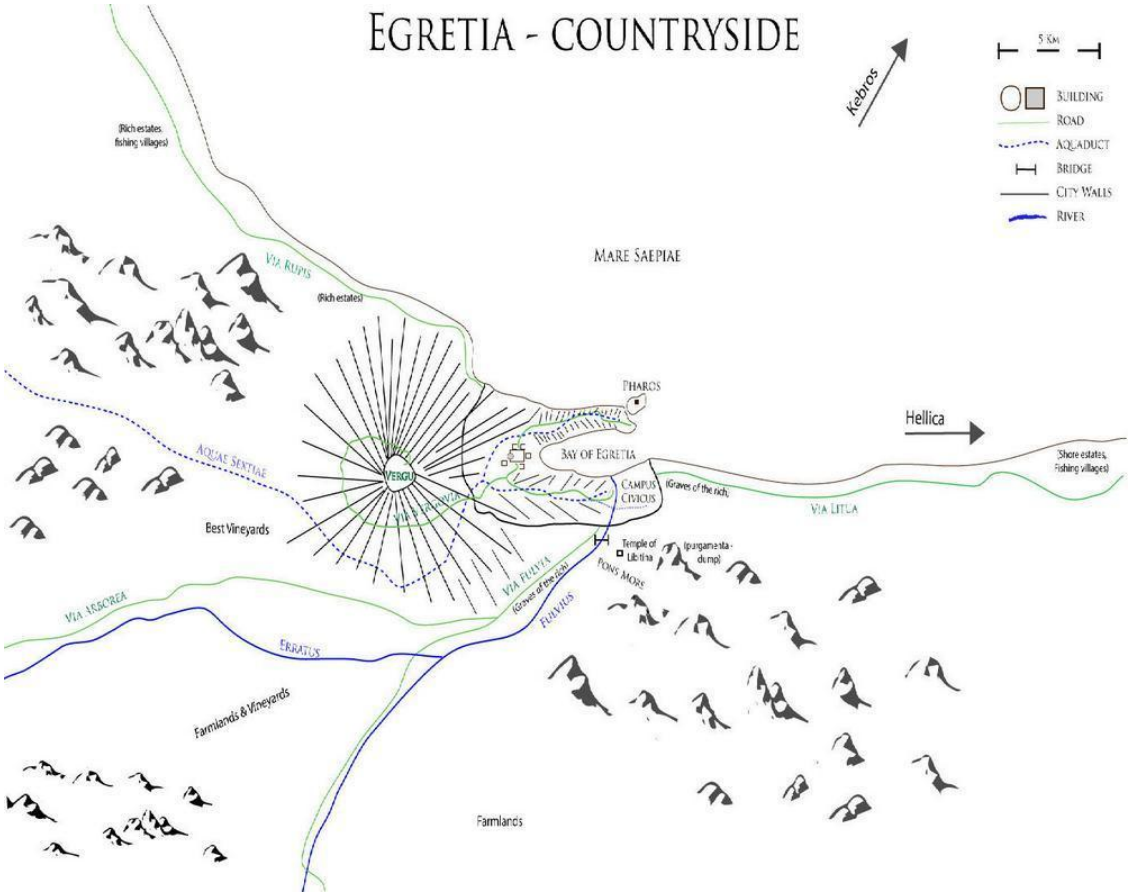
Надеюсь, вы насладитесь прочтением этой книги так же, как я насладился ее написанием.

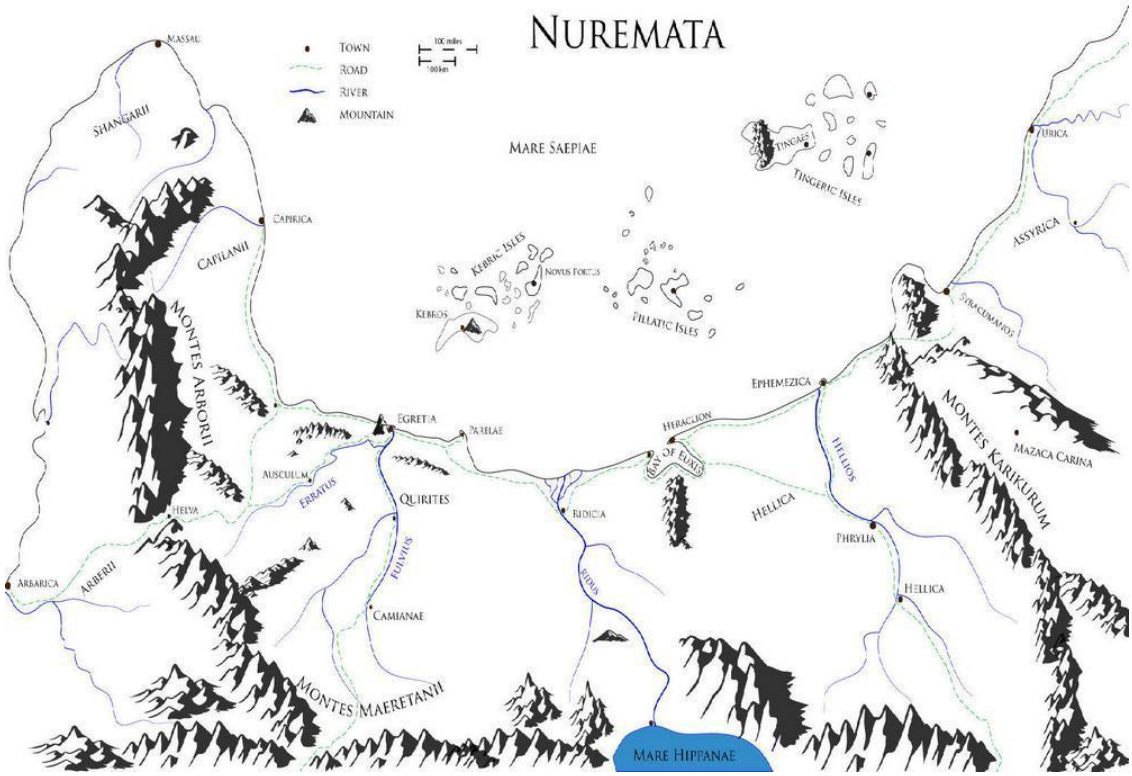
Асаф Мер
май 2015 г.
г. Сидней, Австралия

Карты

Карты с высокой разрешающей способностью, а также расширенный глоссарий, короткие рассказы и многое другое см. на сайте egretia.com.






NUREMATA
TOWN
ROAD
RIVER
MOUNTAIN
MASSAU
SHANGARII
CAPIRICA
CAPILANII
MONTES ARBORII
MARE SAEPIAE
TINGARS
TINGERIC ISLES
KEBRIC ISLES
NOVUS FORTUS
KEBROS
PILLATIC ISLES
URICA
ASSYRICA
SYRACUMANOS
EPHEMEZICA
HERACLION
BAY OF EUXIS
EGRETIA
PARELAE
AUSCULUM
ERRATUS
QUIRITES
HELVA
RIDICIA
HELLICA
HELLIOS
PHRYLIA
MONTES KARIKURUM
MAZACA CARINA
ARBARICA
ARBERII
FULVIUS
CAMIANAE
RIDUS
MONTES MAERETANII
MARE HIPPANAE

Свиток I – Кэзо

Глава I

Пробираясь через густые заросли, я с трудом мог рассмотреть что-либо у себя под ногами – тьма лишь слегка была разбавлена тусклым лунным светом, а густой белый туман обволакивал все вокруг, заслоняя корни деревьев. Спотыкался и падал, но вставал и шел дальше. Сквозь густые ветви деревьев я видел смутные проблески звезд, которые были слишком высоко, чтобы осветить мой путь. Все, что я мог видеть, – это туман: туман впереди меня, за моей спиной, куда ни поверни – повсюду эта навязчивая дымка. Я продолжал идти. Несмотря ни на что, я направлялся к своей ужасной цели.

Поляна.

Выйдя на лужайку, я замедлил шаг, осторожно ступая на залитую лунным светом траву. На самой кромке поляны краем глаза я заметил что-то похожее на отблеск лунного света на темно-фиолетовом мехе, но, повернув голову, не увидел там ничего, кроме серо-белой дымки и листьев.

Медленно добрел до середины поляны. Слабое сияние луны придавало траве особый вид – все, казалось, было покрыто хрупкими серебряными капельками.

Впереди я увидел колодец. Я знал, куда направляюсь, и понимал, что именно здесь находится цель моего нелегкого пути.

Подойдя к колодцу, я обхватил ладонями его края и поднял голову, чтобы посмотреть на звезды. Я не сводил с них взгляд, и они холодно мерцали мне в ответ.

Все-таки я заставил себя заглянуть в колодец. Мне стоило невероятных усилий посмотреть на то, что в нем находилось. Ведь именно за этим я пришел, именно это и было целью моего ночного скитания. Мне нужно было собственными глазами увидеть то, что хранила в себе тьма колодца.

Никакого желания делать это у меня не было, но я понимал, что должен. Я обошел колодец, чтобы не закрывать лунный свет и рассмотреть его содержимое.

Я посмотрел вниз и увидел тело без рук и ног, покачивающееся на дне лицом вверх. Я смог рассмотреть разлагающуюся плоть, шрамы на мраморной груди, обезображенное лицо, застывший взгляд правого глаза и личинок, выедающих левую глазницу и часть щеки. Но несмотря на то что тело было сильно изуродовано, несмотря на тусклость лунного света, я все равно смог узнать ее…

Несомненно, мой дикий крик могли услышать все соседи вокруг. Я сидел на кровати, покрывшись капельками пота.

«Даша! – закричал я, – Даша, ты, глухая тетеря, где тебя носит, когда ты так нужна?»

Бесполезно. Хоть из пушки стреляй, все равно не удастся ее разбудить. Мне уже давно стоило избавиться от нее, но я терплю ее, поскольку она единственное, что осталось мне от отца.

Я поднялся в поисках воды, чтобы умыться. Я никогда особо не отличался трепетным соблюдением социальных норм поведения, поэтому нагишом поволокся из спальни в сад. Сунул голову под прохладную струю воды. Смыв остатки кошмарного сна, я поднял глаза и увидел безумную улыбку на каменном лице фавна, будто он сам окатил меня струей свежей воды. Это статуя, украшающая верхнюю часть фонтана, была творением неизвестного скульптора, что неудивительно. Верхняя часть человека, ноги козла, безумный взгляд, злобная ухмылка. В правой руке он держал гусли, левой сжимал член, размерам которого мог бы позавидовать Приап. Мой отец всегда отличался ужасающим вкусом в декоре интерьера.

Начало светать. Даша наверняка отправилась на рынок за свежим хлебом и другими продуктами. Я пошел на кухню, наскреб несколько старых корок и отправился в свой кабинет. Войдя, я посмотрел на стол и увидел развернутый свиток Никандра с каталогами и описанием ядовитых тварей, тарелку с остатками вчерашнего ужина – цыпленка в соусе, а рядом пустой кубок из-под вина. Должно быть, именно это стало причиной моих ночных кошмаров, и у меня не было ни малейшего желания переживать их снова, даже днем.

Вместо этого я решил погрузиться в воспоминания Плавта. По его словам, собственная жизнь Плавта была еще более абсурдной, чем его пьесы. Хотя я не нашел ничего увлекательного – только иностранные короли и наложницы, диспепсия и опьянение.

* * *

Даша неторопливо вошла в мой кабинет, вернув меня на землю. «К вам посетитель, *домине*, – сообщила она своим хриплым голосом. – И он при деньгах».

Утро уже не было таким ранним. Из окон доносились звуки окончательно проснувшегося города. Пока я был погружен в чтение, Даша, по всей видимости, вернулась с покупками и занялась повседневными хлопотами. Многие люди ставят у дверей высокого крепкого раба, который отпугивает возможных посетителей и не позволяет непривлекательным социальным элементам войти без приглашения. У меня же была Даша. Она устраивала меня по трем причинам: во-первых, у меня не было средств содержать хорошего работника; во-вторых, даже самые стойкие смельчаки теряют дар речи и отходят в сторону перед пристальным взглядом Дашиного косящего глаза; а в-третьих, в моем деле образ старой карги – даже ее фальшивый образ – может создать правильное впечатление.

«Приведи его в мой кабинет, а затем помоги мне надеть тогу», – ответил я.

Одевшись подобающим образом и вернувшись в кабинет, я увидел молодого человека, который был явно чем-то обеспокоен. Он опасливо поглядывал через плечо, в то время как Даша изучала его со слегка ошалевшим выражением лица.

«Даша, принеси нам вина и холодной воды», – велел я ей, чтобы мы могли остаться с гостем наедине. Обойдя стол, я расположился на своем стуле, указывая гостю на стул, стоящий по другую сторону стола.

«Мой *доминус* хотел бы нанять вас, – начал он, едва коснувшись стула. – Дело личное и срочное, и мой господин готов платить за ваше время. Если вы согласны идти со мной, я вас отведу к нему сию минуту».

Я внимательно изучил его. На нем была простая туника из добротной ткани с круговой вышивкой, изображающей рыбу и *амфору* слева на груди. У него был здоровый вид и мягкие руки – возможно, писарь или секретарь с регалиями своего господина.

«Так что же нужно от меня одному из наших высокочтимых *ронов*?» Он не проявил удивления – это говорило о том, что я прав.

«Мне всего лишь было велено привести вас, Феликс Фокс. *Доминус* не велел мне обсуждать детали, однако, уверяю вас, дело очень важное. Мой господин заплатит щедро».

И я решил, что он действительно может себе это позволить будучи одним из пятнадцати *ронов*, избранных в этом году для управления Эгретией.

Тут в дверях появилась Даша, неся поднос с серебряным кувшином вина и кувшином холодной воды. Она поставила поднос на стол, и я предложил напитки посетителю.

«Если можно, добавьте побольше воды», – попросил он покорно.

«Перед тем как я смогу принять приглашение вашего господина, нам следует обсудить некоторые детали. Если позволите, начнем с вашего имени и имени вашего господина».

«Меня зовут Тифей, а служу я у Его Высокопревосходительства Маркуса Квинктиуса Корпио, *Рона Писциума*».

«Так что же Рыбному Рону понадобилось от меня? Я уверен, что у него есть доступ ко всем ресурсам Коллегии Меркаторум да и связи в других коллегиях».

«Как я уже объяснил, вы все узнаете из уст моего господина».

«Тогда что вы можете сказать для удовлетворения моего интереса и в подтверждение того, что я не буду попусту тратить свое время?» Не то чтобы у меня были лучшие планы на сегодня, но я чувствовал, что на этом деле можно заработать хорошие деньги.

«Это действительно чрезвычайно важное дело для моего *доминуса.* Оно носит личный характер и не касается его должности Рона рыбного хозяйства. Оно также не терпит отлагательств». Гость смотрел тревожно и стал выглядеть так, будто не выспался прошлой ночью. «Прошу вас, не откажите», – взмолился он.

«Хорошо, я пойду с вами, если вас устроят мои условия». Я удвоил свою стандартную ставку и добавил: «Плюс расходы». Он согласился, ни секунды не раздумывая.

«В таком случае пойдемте», – сказал я, до-пивая свое вино и сожалея о том, что не утроил ставку.

*** * ***

Мы свернули на узенький переулок, ведущий от моего дома вниз к Дороге дурных ароматов, от моего дома вниз к Дороге дурных ароматов, или, как ее чаще называли, Улице сыроваров. Видите ли, мой дом находится в районе Меридионали, в южной части предгорья Вергу, образующего Залив Эгретии. Несмотря на то что этот район был менее фешенебельным, чем Септентриональ – северная часть предгорья – или нелепо богатые склоны самой Вергу, он все же находился достаточно высоко над доками и рыбными рынками на берегу залива, чтобы считаться пристойным.

Тифей быстро шел впереди, уводя меня вниз по склону в направлении Форума в вершине залива. Он уверенно шагал сквозь лабиринт ведущих к воде узеньких улочек, вместо того чтобы обойти их по Викус Петроза – главной дороге, проходящей по окраине района Меридионали за моим домом.

Мы вышли на берег залива и пошли по набережной мимо причалов и складов в направлении Форума Эгретиум.

«Так скажите мне, Тифей, что за человек ваш господин?»

«Хороший человек. Он, скорей, человек живого ума, чем горячего нрава. Но сейчас он убит горем, и я бы очень хотел, чтобы вы ему помогли».

«И куда мы направляемся?»

«В его *домус*».

Не очень-то он разговорчив. Хотя, возможно, просто предан своему господину, и именно по этой причине ему было доверено привести меня.

Приблизившись к вершине залива и его официальным причалам морского флота, мы не свернули к Форуму, а повернули направо и продолжали идти вдоль воды между причалами и Коллегией Меркаторум. Скорее, шли в направлении района Септентриональ, чем вверх по склонам Горы Вергу. Многие *роны,* даже такие нижестоящие *роны,* как Корпио, достаточно богаты, чтобы жить высоко на склонах над Форумом. Однако некоторые из них предпочитают держаться подальше от коллег, жить поближе к деловым районам или же просто остаются в своих родовых поместьях.

Миновав Эмпориум Иуниус, мы поднялись к Септентриональ и вышли на улицу Викус Капрификус, по которой пошли вдоль холмов, проходящих через северную часть залива.

Постепенно, по мере того как мы поднимались от воды, причалы и силосы, лавки купцов и ремесленников сменялись особняками все больших размеров. Чем выше поднимались, тем шире становилось расстояние между подъездными дорогами и входными дверьми, и тем меньше отличительных признаков можно было увидеть на стенах, выходящих на улицу.

Было начало *Аврилиса*, как раз после весеннего равноденствия, и дневная прогулка не была мне в тягость. Она давала возможность насладиться свежим воздухом и поразмышлять о том, что же *рон* мог иметь для такого как я.

Я спросил еще раз.

«В добром ли здравии пребывает рон?»

«Его Высокопревосходительство – мужчина в самом расцвете сил, и его здоровье отменно».

«А как продвигаются его дела? – добавил я. – Прошлая зима была тихой, кажется, без штормов».

«Его делопроцветает, впрочем, как и всегда. Свежие каракатицы уже на рынке, люди счастливы. Этот год на государственной службе обещает быть успешным».

«Значит, это личное дело».

«Это, действительно, дело чрезвычайно личного характера».

«Его жена?…»

«Моя госпожа отошла в мир иной семь лет назад, – сказал он, и лицо его приняло каменное выражение. – Прошу, позвольте нам дойти до моего господина, и он вам все объяснит».

Я сдался и решил остаток пути провести, наслаждаясь прогулкой и видами вокруг.

*** * ***

Мы подошли к *домусу* Корпио. Он находился за возвышенностью района Септентрионали со стороны утесов, вдали от шума и ароматов, доносившихся с рынков, расположенных на нижележащих берегах залива. В такую ясную погоду, как сегодня, отсюда можно рассмотреть весь город – залив с Портом Эгретии и его причалами в окружении восходящих склонов с красными черепичными крышами на противоположной стороне, разбросанными вверх по горе; к северу же простиралось широкое синее море. Немаловажно и то, что отсюда невозможно разглядеть нищету и убожество нижней Эгретии или учуять зловоние малоимущих, вся жизнь которых проходит на рынках, за готовкой и среди мусора за возвышенностью Меридионали вдали от залива.

Особняк Корпио был обращен к улице непритязательным фасадом. Это была пустая стена, выкрашенная в приглушенные красновато-коричневые тона. Массивная дубовая дверь с медными ручками и засовами была посажена глубоко в стену. С обеих сторон от нее возвышались кипарисы. В стену возле двери была врезана плитка с изображением фамильного герба в виде рыбы и *амфоры.* Тифей вежливо постучал в дверь, в ответ приоткрылась небольшая щель и тут же закрылась. Тяжелые двери распахнулись внутрь.

«Ожидайте здесь, – сказал Тифей, – пока я сообщу господину о вашем визите».

Как было велено, я остался в вестибюле. Через открытые двери виднелись просторный атриум с колоннами по сторонам, коридоры и проемы, ведущие вглубь особняка. Естественный свет проступал сквозь открытую крышу, поблескивая в неглубоком бассейне с золотыми рыбками, украшенном мозаикой с изображением морских обитателей. Окружающие его колонны были выкрашены в бирюзовый цвет, а танцующие на них лучики отраженного света создавали ощущение подводного грота. Я решил, что это, должно быть, его старинный фамильный дом, поскольку этот эффект был слишком изысканным для новой постройки.

Вернулся Тифей. «Пройдите, пожалуйста, за мной», – сказал он и повел меня через дом к кабинету его господина. Указав на вход, он зашел за мной и закрыл за собой дверь.

Хотя у меня и сложилось какое-то представление об этом человеке по слухам, распространяемым форумом обо всех наших избранных *ронах*, это была моя первая личная встреча с Корпио. Возможно, и имеет смысл быть в курсе последних новостей о сильных мира сего, однако я предпочитаю держаться от них подальше и не вмешиваться в их дела.

На вид Корпио казалось пятьдесят с небольшим; это был крупный здоровый мужчина, который начал слегка раздаваться в ширину. У него были длинный нос и высокие скулы; загоревшая кожа лица и рук говорила о его частом пребывании на солнце и ветру, впрочем, как и выгоревшие светлые волосы. Его когда-то зелено-голубые глаза отливали красным, будто он постоянно их тер. Должно быть, в молодости он провел немало дней в море, но с тех пор сдал немного, проводя большую часть жизни на суше, чего требовала карьера государственного служащего.

«Проходите, пожалуйста, и присаживайтесь, – указал он на кресло перед столом, в котором я и расположился. – Я осведомлен о вашей репутации, Феликс, и, что более важно, я знаю о вашем умении хранить секреты. Оба эти фактора чрезвычайно важны в сложившейся ситуации. Могу я на вас рассчитывать?»

Я кивнул.

Я давно усвоил, чтоесли высокопоставленный чиновник начинает разговор подобным образом, подробности будут раскрыты только на его условиях.

«Вопрос личного характера, – продолжил он, – в котором мне не обойтись без ваших талантов. Это не имеет отношения ни к другим *ронам,* ни к Сенату. Все, что вы найдете, необходимо сообщать только мне и никому другому».

Я опять просто кивнул. «Речь идет о моем младшем сыне Кэзо». Его голос дрогнул, как только он произнес имя сына. Он остановил на мне свой взгляд и моргнул несколько раз. Я сохранял молчание, позволяя ему собраться с силами. «Мой сын мертв. Прошлой ночью он был найден при весьма необычных обстоятельствах, и я прошу вас провести расследование.

Мой сын… мой младший сын Кэзо… всегда отличался от своего старшего брата Маркуса, он никак не мог привыкнуть к морской качке и никогда не интересовался делами и традициями нашей семьи. И все же он был любимчиком его покойной матери. Я старался воспитать в нем мужчину, достойного нашего рода, нанимал для него лучших учителей, пытался раньше обучить его нашему ремеслу. Но, к сожалению, он не проявлял к этому никакого интереса. Его все больше привлекали вино и поэзия, а не что-либо, достойное внимания. Он быстро оставлял любые начинания, но в то же время был всегда полон жизни и энергии, проводил много времени с друзьями.

В конце этого года что-то изменилось. Кэзо стал замыкаться, коротая дни напролет в уединении. Вначале мне казалось, что это всего лишь очередной этап его отношений, ведь все его сердечные дела имели мимолетный характер. Но вскоре это отразилось на его учебе. Я решил отправить его в путешествие к моему брату на Кеброс в надежде, что смена обстановки и глоток морского воздуха поднимут его дух. Мой брат, Публиус Квинктиус, обещал присмотреть за племянником и отвлечь его от тревожащих мыслей. У него большой загородный дом, там есть чем заняться, так что мы надеялись вытащить юного Кэзо из депрессии. Вместе с ним я отправил сына моего друга, Гнея Друсуса.

Вначале нам показалось, что это действительно помогло. Мой брат писал, что жизнь на островах пошла Кэзо на пользу, несмотря на то что его особо не интересовал семейный бизнес. Мальчики вернулись в конце навигационного периода и продолжили обучение.

Однако за зиму здоровье сына заметно ухудшилось. Он зачах – побледнел и совсем истощал. Я послал за самыми титулованными *магистери карнеум,* за лучшими докторами,

которых только можно было найти за деньги, но он отказался принять их и сказал, что не нуждается в лечении.

Тогда я решил опять отправить его в морское путешествие, но на этот раз на более длительный срок. Вчера, однако, когда я сообщил ему о моем решении, он просто обезумел и напрочь отказался от поездки. Вначале он говорил, что не сможет жить без Эгретии, что я отправляю его в ссылку, подвергаю остракизму, что с таким же успехом я мог бы просто казнить его. Но я стоял на своем. Тогда он просто впал в бешенство, начал поносить меня самыми что ни на есть оскорбительными словами. Я распорядился, чтобы мой приказчик отвел Кэзо в его комнату. Еще какое-то время оттуда доносились ругань и вопли, но потом он, казалось, утих».

Рон остановился и сделал глубокий вдох, собираясь с духом. «Мой приказчик запирал дом, как обычно, в полночь. Он любил Кэзо, поэтому решил заглянуть к нему в комнату. Кэзо там не оказалось, но мой приказчик решил, что он выскочил на секунду за едой. Он начал его искать и уже хотел было звать меня, как вдруг увидел, как Кэзо возвращается с улицы. Он проследил за ним до его комнаты и остался доволен тем, что мой сын, казалось, пришел в себя. Однако утром, заглянув к Кэзо, он нашел его мертвым. Мальчик лежал на кровати с ужасной гримасой на лице. Его лицо… Вы вскоре поймете, почему меня так потрясли и смутили обстоятельства его смерти. Я хочу знать, как и почему он умер прошлой ночью. Хотя бы потому, что это хотела бы знать его мать, моя покойная жена».

* * *

Мы шли вместе – Корпио вел всех впереди, Тифей следовал за мной. Пройдя атриум, через небольшой коридор мы вышли в роскошный открытый сад. Мы направлялись к жилым и спальным помещениям в глубине особняка. На подходе я заметил выходящую на океан лоджию, между колонн которой открывались великолепные виды.

«Об этом еще никто не знает, – продолжал Корпио, пока мы шли, – кроме нас троих и моего приказчика. Мы заперли двери и не позволяли никому входить. Когда мы слегка оправились от шока, Тифей вспомнил о вас и вашем… опыте в подобных вопросах».

Мы остановились перед закрытой комнатой, и у меня по спине пробежал холодок. Я уже ощутил этот вполне различимый запах. Дверь в комнату охранял невысокий лысый мужчина изможденного вида, которого Корпио представил как своего приказчика. Он кивнул ему, и тот открыл запор и распахнул дверь. «Посмотрите сами, – сказал Корпио. – Мы оставили все в том виде, в котором обнаружили».

Когда я зашел в комнату, ставни все еще были закрыты и утренний свет пробивался сквозь щели, едва освещая все вокруг. Я мог рассмотреть очертания фигуры, лежащей на роскошной кровати, и отчетливо почувствовал запах опорожненного кишечника.

Я подошел ближе. Кэзо лежал на спине. Его тело было уже туго натянуто в результате трупного окоченения. Руки лежали вдоль туловища, поясница – выгнута над матрасом. Казалось, будто он застыл в болевом спазме. Я перевел взгляд на его лицо, и мое впечатление усилилось. Его глаза были зажмурены, ноздри раздуты, рот оскален в гримасе ужаса. Казалось, еще слышен слабый скрежет его зубов.

Я видел, как люди умирают – некоторые в сильных болевых спазмах, некоторых трупное окоченение застает в весьма необычных позах. Но я еще ни разу не видел, чтобы люди умирали, а их тела застывали посреди такого ужасного спазма.

Помимо запаха пота, мочи и фекалий, я чуял едкий сладковатый аромат, говорящий о начале серьезного дела, за которое можно получить хорошие деньги. Я подошел к окну и открыл ставни. Сзади раздался сдавленный крик. Я повернулся и осмотрел тело. Кэзо был красивым юношей лет восемнадцати, с золотистыми волосами до плеч, гладкой кожей, креп-

ким подбородком и скулами и длинным носом. Он был олицетворением здоровья, если бы не признаки явно болезненной смерти.

Подойдя к кровати, я провел кончиками пальцев по предплечью Кэзо. Ощутил под рукой гусиную кожу, от чего меня передернуло. Я опустился возле него на колени и попытался аккуратно открыть ему глаза. Мускулатура его лица была сильно сжата и не поддавалась. Я попытался разжать ему зубы но это также было бесполезно, они были стиснуты слишком крепко, без единой щели.

Я отбросил легкое одеяло, оголив его тело. Сзади послышались резкие вздохи, и я едва сдержался, чтобы не отреагировать. Кэзо был юношей с хорошим телосложением. Он лежал перед нами обнаженный; поясница вздернута над матрасом. Но вовсе не это вызывало ужас. На его груди, прямо над сердцем, была выцарапана красно-фиолетовая татуировка с изображением семиконечной звезды. От нее лучи проходили вдоль ребер, огибая его торс и не касаясь живота. Наклонившись, я увидел слабые синие следы, проходившие вокруг красных линий; все они спускались по бокам к его тазу и гениталиям, обвивая мужское достоинство.

Едкий сладковатый запах, будоражащее прикосновение, татуировка – этого было вполне достаточно для того, чтобы установить общую причину смерти, но мне требовалось больше информации – и была единственная возможность получить ее. Достав нож из внутреннего кармана своей туники, я взглянул на Корпио.

«Могу я?»

Он смотрел на меня безучастно.

«Мне необходимо… извлечь некоторые образцы. Я открою его рот и глаза, чтобы увидеть, что внутри. Зрелище не из приятных, но лицо не будет обезображено. Мне нужно установить некоторые факты, чтобы иметь возможность расследовать причины смерти».

Он побледнел еще больше, прикрыл рот платком и слабо кивнул.

«Возможно, я смогу восстановить его черты, – добавил я, чтобы хоть как-то облегчить его боль. – У вас должна быть возможность похоронить его по всем обычаям, без каких-либо напоминаний о том, как именно он умер».

Я повернулся к телу. Легче всего было бы сломать ему челюсть, но я только что пообещал его отцу сохранить достойный вид для похорон. Из ножен моего кинжала я достал пару миниатюрных тонких лезвий, которые хранились в специальных отделениях из твердой кожи. Я провел пальцами по его челюсти в направлении ушей, ощущая напряжение мускулатуры. Под ухом, в точке ослабления напряжения, где мышцы крепятся к кости, я приставил одно из маленьких лезвий под углом и аккуратно вонзил его при помощи рукоятки моего кинжала. Под лезвием можно было почувствовать движение сухожилий. Лицо перекосилось – половина его расслабилась, а половина все еще оставалась застывшей в гримасе ужаса, будто перед смертью он внезапно сошел с ума. Когда я повторил эту процедуру с другой стороны, вся челюсть расслабилась.

Я открутил верхушку рукоятки кинжала и извлек плотный сверток. Аккуратно развернув его, я достал заостренную лучину из светлого дерева. Ею я проколол себе палец и положил лучину окровавленной стороной себе в рот.

Я был готов к тому, что должно было произойти, поэтому повернулся так, чтобы за моей спиной отцу не было видно головы сына. Положив руки на его челюсть, я надавил большими пальцами на подбородок и с силой открыл его рот. Деревянную лучину из моего рта я протолкнул как можно дальше ему в горло окровавленным краем вперед. Из его рта вырвалось ядовитое облако зловонных бледно-черных испарений. Я закрыл глаза, задержал дыхание и отклонился назад, чтобы защитить лицо. Было слышно, как кто-то поспешил к выходу и кого-то вырвало. Я ни с чем не мог спутать эти бурлящие, клокочущие, плавящиеся звуки и зловонный запах разлагающейся плоти. Деревянная лучина почернела от соприкосновения с его пищеводом. Я подошел чуть ближе к окну и увидел, что Корпио едва стоит на

ногах, опираясь о дверной проем, Тифей стоит на коленях в саду, а приказчик куда-то исчез. Должен сказать, что Корпио справился лучше, чем я ожидал.

После извлечения лезвия из уже расслабленной челюсти я приступил к глазам. Вся сложность состояла в том, чтобы разжать их, не оставляя слишком видимых следов. Мы всегда смотрим человеку в глаза, чтобы установить с ним связь, прочувствовать его сущность. Глаза человека могут многое рассказать о нем без единого слова. Мы влюбляемся от одного только взгляда; и поэты уже неоднократно описали все это куда лучше меня.

Однако то, что я увидел за веками Кэзо, когда мне, наконец, удалось поднять их, явно не имело никакого отношения к чему-либо человеческому. Вначале я увидел лишь желтоватые глазные яблоки, но, вернув их в нормальное положение, я не заметил и следа от радужной оболочки, – только красный шестиугольник, очерченный черной линией. Я позволил яблокам закатиться назад, а векам – закрыться. Так, пожалуй, будет лучше.

Оставалось последнее. Я повернулся так, чтобы наблюдателям не было видно моих действий, поскольку то, что я собирался сделать, было *nefas,* святотатством. Я подсел ближе к торсу и сделал аккуратный надрез от солнечного сплетения вдоль линии ребер, очень стараясь не пересекать красные или синие знаки на его груди. То же самое я проделал с другой стороны, после чего на животе остался кроваво-красный клин, указывающий на грудину. Я вставил кончик кинжала под кожу вверху треугольника и аккуратно приподнял его, после чего откатил кожу, оголив его внутренние органы. Отделив слои плоти и мышц, я добрался внутрь и осторожно просунул руку по локоть под его ребра, пробираясь через влажные внутренности и легкие. Вдруг я нащупал отвердевшую массу на месте его сердца. Я вытащил ее, отсоединяя от вен и мест крепления к плоти при помощи рывков и аккуратных надрезов. Масса была абсолютно твердой. Наконец, я встал и вытянул руку. Проблески света отразились в пятнах крови на моей руке. В своей руке я держал то, то когда-то было сердцем Кэзо. Сейчас же это был лишь большой рубин в форме сердца.

«Если вам удастся продать это, я готов оплатить шикарные похороны, – сказал я, – однако вряд ли найдется покупатель. Очевидно, что это продукт некромантии».

Глава II

Неспешно прогуливаясь вниз по склону, я продумывал свои следующие действия. Приближаясь к гавани, я почувствовал голодное урчание в животе и понял, что время уже близилось к обеду. Остановившись возле придорожной палатки, я купил кальмара на шпажке, обжаренного в чесноке и специях.

После того как Корпио в достаточной степени оправился после увиденного и мог самостоятельно ходить, мы вернулись в его кабинет и на двоих распили кувшин вина, не разбавляя его водой.

«Но почему? – бормотал он. – Кто мог сделать такое с моим милым мальчиком?» «Вы знаете так же, как и я, что некромантия вне закона в Эгретии, впрочем, как и в других частях Нурематы, – сказал я. – И так было еще до основания нашего города. Насколько мне известно, Коллегия Инкантаторум очень хорошо следит за этим как на внутреннем уровне, так и среди варваров».

«Конечно, я понимаю. Все это лишь усложняет ситуацию. Кэзо, казалось, никогда не интересовался *инкантаторес*… Естественно, я отправил его в Коллегию Меркаторум, поскольку это наша семейная традиция. Он никогда не был лучшим студентом, и я не возлагал на него больших надежд, однако он никогда не выявлял интереса к другим коллегиям…». Корпио говорил довольно бессвязно, заглатывая неразбавленное вино с удивительной скоростью. Невнятно пробормотав слова сочувствия, я позволил ему продолжить. «Как любой заботливый отец, я, конечно же, пытался подтолкнуть его в нужном направлении. Он никогда не противился мне, но все же я видел, что его сердце лежит не к этому. Куда интереснее ему было ходить на спектакли и вечеринки, даже уличные мимы радовали его больше… Он никогда не любил цифры и так и не привык к морю. Его покойная мать и я баловали его, как нашего младшего, а когда она скончалась… Возможно, я не уделял ему должного внимания. Но что может отец? Расскажи он мне о другой коллегии, приводя разумные доводы, я не стал бы его переубеждать. В конце концов у меня есть Маркус. Он продолжит наше дело после моей смерти…»

«Расскажите о его друзьях», – попросил я.

«В колледж он ходил вместе с сыном моего хорошего друга Гнея Друсуса Скеволы. Друсус, *филий,* все еще живет со своими родителями недалеко отсюда. Кэзо дружил с ним с детства, поскольку наши семьи всегда были довольно близки. Кэзо и Друсус были одногодками… Но это уже не имеет никакого значения, не так ли?» На его глазах выступили слезы.

Я молчал. Он прикрыл глаза рукой и сделал очередной глоток вина. Глубоко вздохнув, он продолжил.

«Думаю, Друсус расскажет о его окружении и жизни в колледже. Он уже второкурсник, а не какой-нибудь новичок, с которым мой Кэзо вряд ли стал бы общаться. Знаете, Друсус всегда прислушивался к его мнению.

Помимо Друсуса, я слышал, как он упоминал Гнея Порция и Гая Лутация. Однажды я их видел мельком на форуме, но не могу особо ничего рассказать ни о них самих, ни об их семьях. Они пользуются уважением, но не входят в наш круг. Тем не менее я уверен, что они приходили к Кэзо в этот дом. Как вы понимаете, в силу моей деятельности – как рон рыбного хозяйства – я часто выхожу в плавание. Кэзо был хорошим юношей, все еще очень зеленым. Всего лишь в позапрошлом году я разрешил ему, как мужчине, надеть тогу. Я пытался оттянуть этот момент, позволить ему оставаться мальчишкой как можно дольше… И он был им, угощая своих друзей моим лучшим вином в мое отсутствие. Мой приказчик и, возможно, Тифей смогут рассказать вам больше.

Вероятно, у него были другие… знакомства… среди столь обожаемых им мимов и актеров, но я, конечно же, не знаком ни с кем из них. Кэзо был достаточно умным, чтобы не запятнать старинный род Квинкти Корпиони, вынося напоказ свои отношения с такими людьми. Юноша нашего сословия может развлекаться и блудить с уличными бродягами столько, сколько ему вздумается, но он никогда не должен относиться к ним как к равным».

Его голос стал жестким, в глазах промелькнула гордыня. Даже будучи вне себя от горя после смерти сына, он не мог скрыть своей принадлежности к старинному роду сенаторов. К тому же он гордился своим повышением и званием *рона.*

Полагая, что состояние Корпио в достаточной степени улучшилось, я начал приближаться к менее приятным темам, касающимся смерти его сына.

«Что вам известно о последних днях Кэзо? Я спрашиваю об этом, поскольку, несмотря на то что довольно мало известно о внутреннем механизме некромантии, на протяжении веков скопилось достаточно информации. Легенду о Сервилии Ахале, возникшую еще до основания Эгретии, до сих пор рассказывают нашим амбициозным *инкантаторам* в качестве предостережения. Некромантия была, в нашем понимании, темным ответвлением *магии вита.* Во всех случаях, когда мы сталкивались с ее проявлениями, это был тщательно продуманный процесс с долгими ритуалами, множеством участников и мудреными условиями. Это не то, чем можно заниматься любительски, и наши юные *инкантаторы* учат все признаки некромантии, чтобы в случае выявления очередного некроманта все государство могло объединиться против него».

Я посмотрел Корпио в глаза. «Поэтому заранее прошу у вас прощения, но мне действительно нужно знать обо всех странностях, которые происходили с вашим сыном: с кем он виделся, где бывал в свои последние дни».

«Я был здесь, решал вопросы по *Контио Ронов.* Зима уже закончилась и навигация возобновилась. Поскольку я уже долгое время не уходил в плавание, мне действительно нужно было многое наверстать как в моем частном бизнесе, так и на занимаемой должности. Тем не менее, когда я приходил домой, Кэзо всегда был один. Он игнорировал учебу и выглядел, как я уже говорил, больным. В конце концов я перестал обращаться к докторам. Не потому что не доверяю им, а потому что они только нервировали его, и он отказывался выходить к ним из своей комнаты. Я распоряжусь, чтобы Тифей и мой приказчик ответили на все ваши вопросы. Вы также можете осмотреть дом, но не забывайте при этом оставаться в тени».

Я слегка приподнялся в кресле, подбирая подол тоги. «И последний вопрос, господин рои, если позволите. Почему я? Вы, безусловно, имели предположения о характере его смерти. Почему вы не обратились к *ронам* Коллегии Инкантаторум?»

«Я думал, это вполне очевидно. В конце этого года мне придется оставить пост *рона*, но на этом моя карьера в государственном аппарате не заканчивается. Мое положение позволяет мне получить концессии на открытие морских путей вокруг Мыса Массо. Уверен, вы знаете об этом по слухам в форуме. А такой скандал, как этот, положит конец моей политической карьере и полностью разрушит мой бизнес. Все дело моей семьи и дело моего брата попросту рухнет, поскольку никто не сможет доверять нам. Это навсегда ляжет черным пятном на имя Квинкти Корпиони, и вся проделанная мною работа от Массо до Урики окажется напрасной.

Я не могу рисковать этим! Я не позволю какому-то *ментуле* из Коллегии Инкантаторум шантажировать меня этим или просто на пьяную голову обсуждать это со своей любовницей и не позволю омрачать репутацию Эгретии среди всех народов Марэ Сэпие!»

Ему явно потребовалось усилие, чтобы успокоиться. Он откинулся на спинку кресла, сложив руки на коленях, и сделал глубокий вдох. «Ваша репутация опережает вас, Феликс Фокс. Мне известна ваша некрасивая история, и мне известно, что вам удалось начать все заново благодаря вашей честности и умению хранить тайны. И требую абсолютной конфи-

денциальности. Хочу знать, при каких обстоятельствах умер мой сын, но не желаю видеть, как мой мир рушится. Кэзо был молод и, очевидно, довольно глуп. Но я не верю, что у него было плохое сердце. Узнайте, кто сделал с ним это, найдите виновного и разберитесь с ним, но не вмешивайте сюда мое имя, и я награжу вас, как следует».

* * *

Доев кальмаров, я уже было вытер руки о подол тоги. Даша пристыдила бы меня, увидев на ней пятна от рыбного соуса. После смерти моей матери она стала заботиться о моем внешнем виде, но ее вкусы и представления об эстетике были не менее консервативны. Прогуливаясь дальше по гавани, я остановился возле общественного фонтанчика, чтобы вымыть руки и попить воды.

Наконец, спустившись к берегу залива, я повернул налево, на восток, вместо того чтобы пойти к Форуму направо – туда, откуда мы пришли утром. Эта дорога приведет меня к устью залива и островку, на котором находится маяк Фарос. Великолепный вид и свежий воздух могут стать источником новых идей.

Я шел по набережной вдоль внутренней береговой линии Септентриональ. С этой стороны морское движение в основном обращается вокруг небольших частных причалов и пристаней. Большинство торговых причалов находится с южной стороны, на Кампус Цивикус, а также вдоль основания Меридионали, где расположены крупные рынки. Далее выстроились частные суда – от небольших быстроходных до гигантских прогулочных кораблей, приводимых в движение несколькими ярусами гребущих рабов.

Узенькие дорожки, идущие вверх по склону, скрылись за пустыми стенами богатых особняков. Лишь кое-где виднелись аллеи фиговых деревьев, открытая местность с дорогами, ведущими обратно к Викус Капрификус, очерчивающей край склона.

Беседа с Тифеем и приказчиком Корпио не дала мне новой информации. Они оба лишь подтвердили рассказ Корпио о том, что друзья Кэзо, Порций и Лутаций, были не так близки с ним, как Друсус, хотя недавно и гостили у него. Ни Тифей, ни приказчик не осведомлены о том, чем именно Кэзо занимался со своими друзьями. Казалось, он не очень доверял им, что вполне нормально, и особо не рассказывал никому в доме о своих делах. Хотя он был студентом Коллегии Меркаторум и еще юным парнем, рабы не сопровождали его в повседневной жизни.

После проведенных бесед я обыскал комнаты Кэзо. Перевернул его постель, обыскал весь сундук с одеждой, заглянул под кровать, простучал стены на наличие потайных отсеков, проверил письменный стол в его небольшом кабинете, прочел все бирки на свитках, хранящихся в гнездах библиотеки, и развернул некоторые из них наугад, чтобы проверить их соответствие, разорвал матрас, простучал его стол – опять же на наличие тайников.

Ничего.

Даже ни единого тайника с порнографической поэзией, что довольно странно для юноши его лет.

Я поинтересовался у приказчика, куда еще Кэзо мог спрятать свои ценности. По указаниям Корпио домочадцы содействовали мне всеми возможными способами. В сопровождении его верного помощника Тифея мы втроем обыскали все укромные уголки особняка, на которые хватило времени. Мы задавали вопросы о том, видел ли кто-нибудь Кэзо в этих местах, стараясь не вызывать подозрений. Обыскивая необычные, удаленные места, в которых Кэзо мог бы спрятать свои личные вещи, мы пытались выглядеть максимально непринужденно, хотя я уверен, что в тот вечер среди рабов ходили слухи о том, что какой-то незнакомец выискивал что-то с лампой в уборных.

И опять ничего.

* * *

Я дошел до вершины Септентрионали, где Залив Эгретии выходит на Марэ Сэпие. Обойдя изгиб, я увидел Понс Игнис – путепровод, ведущий к Инсула Лариде – небольшому острову, на котором стоит Фарос. От этой вершины невозможно идти дальше в северном направлении; северная сторона Септентрионали, выходящая на открытое море, полностью изрезана отвесными скалами. Стоящие на вершине дома богачей могут похвастаться живописнейшими видами и естественной защитой от вторжения, по меньшей мере с этой стороны.

Массивные каменные блоки, образующие пять арок моста, были заложены столетия назад. Когда наш кочевой народ наконец решил осесть вокруг залива, он основал рыбацкую деревушку в наиболее приближенном к центру месте. С ростом торговли росла и деревушка. Возведение Фароса считается одним из трех ключевых моментов в основании нашего великого города.

Перейдя Понс Игнис, я с трудом вскарабкался вверх по крутой тропе к основанию Фароса. И расположение, и форма этого холма идеально подходили для маяка. Наш народ в течение многих лет поддерживал тут костер еще задолго до его появления. С расширением нашего порта также расширялись наши знания. Именно *инкантатор* Иуний Брутос стал создателем Фароса более четырехсот лет назад и объявил миру о возникновении нашего города и нашей коллегии. Он использовал силу шести стихий, чтобы воздвигнуть квадратное основание, поставить на него изящную башню из чистого мрамора и зажечь на ее вершине неугасающее пламя. Его мастерство было совершенным; воздвигнутый им каменный шпиль обвивали барельефные изображения, отображающие некоторые значимые события из жизни города: наши скромные начинания в качестве кочевников, наши победы над Вольски и Габии, проживавшими в этом регионе до нас, первая Курия Сената, знаменитое жертвоприношение Курция в форуме, извержение Вергу, которое практически погубило весь город. И, конечно же, изображение самого Брутоса, устанавливающего этот шпиль на вершине.

На самой вершине, на капители в форме листьев аканта, Иуний Брутос смастерил мраморную статую прекрасной белой цапли, хохолок на голове которой выглядел слишком изящно, чтобы быть вырезанным из камня. В клюве цапля держала вечный огонь. С тех пор, в течение четырехсот лет, несмотря на войны и природные катаклизмы, этот огонь никогда не гас. Рассказывали, что во время совершения колдовства и устремления магических энергий для создания Фароса Иуний Брутос в течение семи дней и семи ночей не мог сойти с места. После же окончания ритуала он наконец шевельнулся, и его покрыл тонкий слой мраморной пыли.

Я взобрался на основание, к подножию конструкции. Высота квадратного подиума Фароса – около тридцати футов. Боковые ступеньки ведут к широкой платформе, с которой можно наблюдать за кораблями на горизонте. Выступающий по центру шпиль сделан из цельного куска мрамора высотой в сто футов, и только сумасшедший мог бы осмелиться взобраться на него и достать огонь, хранимый на вершине белой цаплей.

Размышляя о минувших событиях, я вдруг увидел мистическую сцену, изображающую, как Сервилий Ахала поражает некроманта Афанасия. На какую мысль мог бы меня натолкнуть это древний персонаж?

Я присел лицом к морю, свесив ноги. Вдали виднелись парусные суда и гребные шлюпки, рыбацкие и прогулочные лодки. Слева пригревало солнце, вода ослепляла своим блеском, а легкий ветерок покачивал пушистые белые облака.

Это был идеальный день, но моя голова все же была занята темными мыслями. Я задумался о том, что в первую очередь следовало бы поговорить с Друсусом. На этот разговор я возлагал большие надежды, но прежде нужно было все продумать. Сложность заключалась в том, что передо мной стояла намного более необычная задача, чем те, к которым я привык. Более того – я не знаю никого, кому поручали бы более странное задание. Тема некромантии всплывает не так часто. Даже просто упомяни я эту тему, многие люди в лучшем случае начали бы избегать меня как сумасшедшего или, в худшем, сдали бы меня *ронам* Коллегии Инкантаторум как опасного для общества психически больного.

Это определенно было не мое направление. На свой хлеб и рыбный соус я зарабатывал делами о краже драгоценностей, пропаже людей, изменах супругов. Редкие случаи разоблачения шарлатанов, подтверждения древних свитков и даже дело с настоящим магическим кольцом – это именно то, что однажды могло бы лечь в основу моих мемуаров. Но некромантия! На это я точно не рассчитывал. Если мне посчастливится дожить до того дня, когда все закончится, это расследование станет пиком моих мемуаров. Кто знает, возможно, я даже смогу продать их!

А выжить – это довольно нелегкая задача в деле о некромантии.

Мне нужны были некоторые наработки, некоторые потайные рычаги, на которые я мог бы нажимать, разговаривая со свидетелями. Мне нужен был повод направить разговор в сторону мистической смерти Кэзо, пронаблюдать за реакциями, не вызывая при этом подозрений у властей. Мне нужно было освежить свои знания о некромантии, восстановить данные о последних комбинаторах, каких-либо недавних событиях с применением незаконной магии и о случаях торговал контрабандными товарами.

Одним словом, мне нужен был Араксус.

Больше известен как Араксус Безумный.

Глава III

Последнее, что я слышал об Араксусе, – он живет в трущобах на Кампус Цивикус среди отвергнутых рабов, затерявшихся иностранцев, сумасшедших, нищих и других отбросов общества. Поскольку этот район находился на противоположной стороне залива, я мог туда добраться вплавь, проделав долгий путь вокруг залива или наняв лодку.

Я перешел Понс Игнис обратно и пошел по набережной, вглядываясь в проходящие мимо судна. Эта сторона была населена более состоятельной публикой, поэтому предприимчивые люди всегда находились неподалеку, высматривая, кого бы подвезти. На мне же была респектабельная тога, которая должна была обязательно привлечь хоть чье-то внимание. Я выбрал судно, капитан которого меньше других походил на человека, способного перерезать мне горло и скинуть мое тело в залив, и сторговался с ним о цене в два серебряных *сестерция.* Торговался я больше для порядка, поскольку все расходы брал на себя Корпио.

У моряка было четыре раба, чтобы довезти нас до Кампус Цивикус. Мы виляли между более крупными судами, пробираясь сквозь оживленное движение гавани. В его гребной лодке было достаточно места для нескольких человек, а экипаж привычен к более тяжелым грузам, так как богачи редко передвигались без свиты. Мы направились к общественным причалам, переполненным в это время дня судами, загружающими и разгружающими всевозможные товары: широко известные на всю Марэ Сэпие вина Эгретии из виноградников, произрастающих на богатых вулканических почвах с другой стороны Вергу; с архипелага Кеброс импортировали столь любимый в наших краях рыбный и кальмаровый соус, перевозимый в больших килевидных глиняных сосудах, помеченных штампами качества от «изысканного» до «плохого»; зерно, скот, живая рыба, тюки с полотном. Здесь же сновали посыльные с официальными депешами, сюда причаливали даже военные судна, перевозящие солдат и патрулирующие наши берега. Гавань была колотящимся сердцем всей империи, и в такой ясный весенний день, как сегодня, все внимание капитана было сосредоточено на маневрировании его маленькой лодки между другими участниками движения.

Добравшись до Кампус Цивикус, мы пришвартовались у одного из общественных причалов. Я вышел, а лодка быстро отплыла от берега, высматривая потенциальных клиентов с воды, вместо того чтобы занять место на стоянке и внести сбор начальнику порта.

Я миновал тюки с силосом, большие склады, базилику, торговые лавки, увертываясь от постоянного движения рабов и груженных повозок, орущих начальников и торопящихся рабочих. Телега, запряженная волами, доставляющая цыплят с фермы на рынок, перегородила мне путь. Я пошел за ней и наступил на свежую кучу, только что оставленную на дороге одним из волов. «*Мерда! Феллатор асини*!» – выругался я на извозчика. Он обернулся, выпучил на меня глаза и поднял свой хлыст. Я поспешил свернуть за угол. Конфиденциальность и тому подобное – сейчас действительно было не время заниматься ерундой.

Обойдя бурлящий порт сзади, я пошел в направлении Цирка Магнус. В какой бы город я ни приехал, везде зоны вокруг общественных развлечений граничат с заведениями, рассчитанными на неискушенного клиента, – тавернами, дающими возможность как следует напиться, а также публичными и игорными домами, готовыми, пользуясь моментом опьянения, облегчить их кошелек. Я остановился в нескольких из них, заказав дешевое вино, хорошо разбавленное водой; некоторое время поболтал с куртизанками, стоящими в дверных проемах и наглядно демонстрирующими свои принадлежности и особые умения; и раздал несколько медных монет уличным мальчишкам. Наконец я встретил нескольких людей, которые видели сумасшедшего отшельника, подходившего под описание Араксуса. По их подсказкам я пошел к грудам мусора за Кампус Цивикус.

* * *

Мы с Араксусом были друзьями в детстве. Мы вместе пошли в Коллегию Инкантаторум, предвкушая, что впереди нас ждет интереснейшая жизнь, полная магии и приключений. Но потом Фортуна нанесла мне первый удар.

Дело моего отца рухнуло. Он был торговцем антиквариатом, произведениями искусства, экзотическими украшениями, а также редкими магическими предметами. Это дело было довольно успешным, чтобы мы могли называть себя обеспеченными, если не богатыми. Его агенты прочесывали удаленные королевства, а он сам был старожилом на аукционах, выискивая интересующие его уникальные предметы и игнорируя выставляемых рабов и мебель. У него был склад для хранения диковинных вещей на любой вкус. Его постоянные клиенты знали его и доверяли его репутации, приобретая необычные изделия.

Я не пошел по его стопам, а вместо этого первым из моей семьи решил учиться в Коллегии Инкантаторум. Мои родители были невероятно горды мною, когда я сдал вступительные экзамены; отец купил всем выпивку и рассказывал желающим о том, что однажды его мальчик будет сидеть в Курии Сената.

Крах был внезапным и стремительным. Начало всему положило стихийное бедствие, а уже усилие конкурентов окончательно свалило с ног. В течение месяца отец потерял морские и сухопутные поставки, его банкиры отказались продлевать срок выплаты кредитов, а разгневанные кредиторы день и ночь стучали к нам в дверь.

В конце концов отец не выдержал всего этого и вонзил в себя меч. Мать так и не смогла оправиться и провела свои последние недолгие годы, каждую ночь плача в подушку.

Поскольку у нашей семьи больше не было денег, я не мог продолжать обучение в Коллегии. К счастью, мне удалось сохранить наш дом, хотя и пришлось продать практически все, кроме Даши.

Все это время Араксус был для меня надежной опорой. Неоднократно убегая от своих бед, я находил приют в его доме. Когда я в итоге покинул Коллегию, он пытался держать меня в курсе того, чему его учили, периодически тайно передавая мне свитки. Он оставался единственным настоящим другом, в то время как все остальные отвернулись от меня.

Я решил изменить свою жизнь, точнее, построить заново. Вначале я на некоторое время подался в легионы, но вскоре осознал, что военная служба не для меня. Потом я, по воле случая, начал выполнять поручения для фирмы «*Гордий и Фальконий*» и открыл, что, не имея ни образования для того чтобы быть *инкантатором,* ни денег, чтобы начать торговлю, я имею явный талант к тому и другому. Многому научился я у этих почтенных людей, после чего стал вынюхивать собственный путь, как лис, хотя во многих случаях сравнение с хорьком было бы более уместным. Мне даже посчастливилось найти любовь.

Потом несчастье произошло с Араксусом. Он потерял рассудок, и никто не мог вернуть его. Я все еще не могу понять, чего он добивался, подрывая свои комнаты и половину крыла в доме своего отца.

Я никогда не забывал о том, как добр он был ко мне, и, поменявшись с ним местами, всегда старался отплатить ему тем же. Вначале отчаянно пытался излечить его, потом – оградить от возможности навредить себе.

А потом произошла эта отвратительная история с Эленой, которую я так и не простил ему. С тех пор я его не видел.

* * *

Вокруг стоял невыносимый смрад. Наш великий город имеет канализационную систему – подземную *клоаку*, идущую от районов, расположенных на самой вершине склонов Вергу, и проходящую с двух сторон залива. В канализационные стоки поступает вода из *Аква Сэкстия,* которая выносит нечистоты в открытое море, – обычно это мусор и трупы. Все то, что не может быть вынесено водой, испокон веков сваливалось рабами в долины между холмами за Кампус Цивикус. Законы, запрещающие выбрасывать отходы на улицы города, дали свой результат, а налоги, позволяющие нанять рабов, чтобы те вывозили уличный мусор на городскую свалку, были еще более эффективными. Все ненужное – от старой мебели до мертвых младенцев – оказывалось на этой свалке.

Закашлявшись, я прикрыл лицо льняным платком. Всматриваясь в кучи мусора в поиске движущихся фигур, я заметил несколько печально шатающихся бродяг. Я искал тех, кто здесь обосновался, вглядываясь в лица прячущих глаза и изучая силуэты, пытаясь не слишком приближаться к ним.

Наконец я увидел его – силуэт сгорбившегося и исхудавшего мужчины моих лет, который когда-то был высоким и стройным. Сейчас же он ходил, опираясь на самодельный костыль, который, скорее, выглядел палкой из необработанного дерева. Его волосы свисали рваными засаленными прядями, закрывая лицо, борода была всклокочена, а рваная грязная туника едва походила на когда-то приличное одеяние. Я подошел ближе. Он поднял голову, уставился на меня, и я понял, что это он.

В молодости Араксус был хорош собой. У него было стройное тело, лицо напоминало о гелликанской статуэтке руки Праксителя – высокие скулы, крепкий подбородок, длинный нос, широкий лоб, обрамленный вьющимися пшеничными волосами. А смеющиеся глаза и приветливая улыбка восхищали всех.

Лицо, которое я видел перед собой, утратило былой шарм. Изможденное, грязное, обветренное лицо, которое старость настигла уже в тридцать четыре года. Он был небрит и болен. Но его глаза! Именно они больше чем что-либо отражали то проклятие, которое он наложил на себя. Его правый, зеленый, глаз смотрел на меня с коварной звериной смышленостью, а левый, черный, где-то блуждал независимо от второго, а когда остановился на мне, я вздрогнул.

Я медленно подошел, убрав платок от лица, в надежде, что он узнает меня. «Араксус…» – начал я и увидел, как его правый зрачок расширился. Значит, узнал.

«Нет! Не смотри на меня!» – вскрикнул он, отвернулся и заковылял от меня довольно быстро, несмотря на неуверенную походку и сутулость.

«Араксус, мне нужно поговорить с тобой!» – поспешил я за ним, пытаясь не поскользнуться на гниющих отходах. «Араксус! За тобой долг!» Но он продолжал убегать.

«Араксус! Не заставляй меня называть ее имя!» Эти слова остановили его, как удар молнии. Он стоял спиной ко мне, слегка покачиваясь. Я остановился за несколько шагов от него. Он медленно повернулся, и его оба глаза смотрели четко на меня. По спине у меня пробежала дрожь.

«Некоторые долги невозможно вернуть, – сказал он, – и некоторые вещи невозможно забыть, как бы мы ни старались».

«Это так, Араксус, факты остаются фактами, как и прошлые грехи. Но сейчас у тебя появился шанс немного облегчить свои страдания и оплатить долги перед тем, как Дис заберет тебя навсегда».

Еще пару минут т мы пристально смотрели друг на друга, но потом он сдался. Его левый глаз, наконец, возобновил блуждания, и я почувствовал облегчение, когда его взгляд перестал вонзаться мне в душу.

* * *

Обратно мы пошли по оживленным улочкам квартала развлечений Кампус Цивикус. Я хотел поговорить с Араксусом в тишине, поэтому мы зашли в таверну, где не кишел народ. Я заказал нам вина и оливок. Владелец с подозрением покосился на Араксуса, так что пришлось положить на стойку целый серебряный *динарий* и позаботиться о том, чтобы у нас был тихий угловой столик и много дешевого вина.

Боковым взглядом я посмотрел на Араксуса в надежде, что не попусту трачу время. Судя по его виду, он не поддерживал связей с прошлым и особо не интересовался общественной жизнью Эгретии. Но, с другой стороны, незаметные люди, существующие как бы на отшибе общества, часто слышат, знают и понимают намного больше, чем мы думаем.

«Столько лет прошло, ничего не меняется, я все еще не могу простить тебя, – сказал я. – Но сейчас мне нужна информация». Рабыня подошла к нашему столику, поставила перед нами два деревянных кубка и наполнила их вином. Я сделал глоток и тут же пожалел – оно было жутко кислым. Когда она отошла, я продолжил: «В последнее время ты слышал о чем-нибудь, что могло бы касаться наших прошлых увлечений?»

«Возможно, – сказал он и, увидев, что это не впечатлило меня, продолжил: – Я много чего слышу. В основном это вздор и суеверные сплетни. Я больше не вращаюсь в официальных кругах, как ты мог заметить. Однако другие источники доносят кое-что более достоверное. Что опять привело тебя к этой теме? Зачем возвращаться к тому, от чего ушел?»

«Как ты знаешь, я не сам отошел от этих дел! У меня не было выбора. Я отвернулся от *тебя* после того как… Но не будем возвращаться к прошлому. Мой интерес касается теперешних событий. Вполне вероятно, что это тайное общество, действующее под прикрытием, не вызывая подозрений у властей. Но это лишь мои догадки. У меня нет точной информации».

Его правый глаз последовал за проходящей рабыней, а левый, черный, уставился на меня. Когда девушка отошла достаточно далеко, чтобы не слышать, о чем мы говорим, его бешеный взор опять обратился на меня. «Что бы ты ни задумал, это добром не кончится. Уходи сейчас же. Оставь эти проклятые делишки тем, кому они нужнее, иначе закончишь так же».

«Благодарю за совет, – ответил я холодно, – но я лучше тебя знаю, что мне делать. Лучше расскажи мне что-нибудь полезное».

«Ты знаешь, что твое предполагаемое тайное общество собиралось сделать?»

Я задержал на нем свой взгляд. «Ритуал Пелегринус».

Он поперхнулся. Его правый глаз посмотрел на меня с недоверием, а левый жутко забегал, пытаясь смотреть сразу во всех направлениях и даже поворачиваясь внутрь черепа, демонстрируя при этом желтое глазное яблоко с выступившими красными сосудами. «Никто, слышишь, никто не может быть настолько глуп! Любой *инкантатор* учит этому любого новичка *матрис футур,* и *роны* в Совете Коллегии Инкантаторум навсегда отбивают желание делать это даже у тех, кто мечтал вступить на этот путь, как центурион отучает новобранца скучать по мамочке!»

«И все же кто-то осмелился. У него, конечно, не получилось, но я видел *стигмы* и держал рубиновое сердце в своей руке».

«Кто это был?»

«Сын одного купца. Не могу назвать его имя».

Араксус сделал глоток вина и погрузился в размышления, пожевывая кончик своей неухоженной бороды. Я подозвал проходящую мимо рабыню, дал ей *сестерций* и попросил принести фаршированные лепешки, чувствуя, как прокисшее вино бурлит у меня в животе. Араксус продолжал смотреть в пустоту, периодически бормоча что-то себе под нос. Девушка вернулась и поставила перед нами тарелку с двумя лепешками. Для такого заведения они оказались на удивление хороши – упругое тесто с начинкой из рубленой зелени, чеснока и нескольких кусочков мяса непонятного происхождения, сбрызнутое рыбным соусом для завершения композиции.

Араксус с жадностью проглотил свою лепешку. «Расскажи мне, что ты помнишь об этом ритуале», – сказал я.

«Это скверное занятие. Мы многого не знаем, поскольку все направление *терминалис магии вита* много веков оставалось вне закона и никогда не было должным образом изучено. Рубиновое сердце – это верный знак, больше такого нигде нет. Конечно же, нужно тайное общество. Как-то я прочел в одном свитке много лет тому назад в колледже, что для этого нужна длительная подготовка – песнопения, посвящения, снадобья, обряды. Не могу поверить, что кто-то смог скрыть такое. Точно не знаю, что включает этот ритуал, по крайней мере я не встречал такого в доступных частях библиотеки. Я читал трактат о результатах и признаках. В закрытых залах библиотеки *инкантаторов* должны быть более подробные сведения о требованиях, ингредиентах и формулах. Конечно, если ты сможешь получить доступ…».

«Это исключено, – ответил я. – У моего клиента нет ни доступа, ни такого влияния, более того, он предпочитает расследовать это дело тайно, не привлекая ненужного внимания *инкантаторов.* И все же есть ли какие-то признаки, по которым я смог бы распознать членов тайного общества?»

«Насколько я помню, для таких ритуалов характерно большое число *стигм.* Это во многом зависит от исхода ритуала, хотя я бы осмелился предположить, что другие участники также должны нанести татуировки силы для передачи энергий. Конечно, они могут быть меньше, чем у избранного. Для всех этих *стигм* требуются приготовления и особые красители. Я могу поспрашивать…» – предложил Араксус.

«Сделай это, но без шума. Никаких имен и подробностей, больше слушай, чем говори. И расскажи мне обо всем, как только узнаешь что-то, хоть отдаленно относящееся к делу». Я встал, оставив на столе несколько монет. Они понадобятся Араксусу, чтобы разузнать все, а Корпио вряд ли их заметит в своем списке расходов.

Я попрощался с Араксусом и направился домой. А по пути домой остановился в Купальнях Сестропия недалеко от Понс Ориенталем. Я доплатил, чтобы раб хорошенько потер и помассировал меня после всего, что мне пришлось пережить. Мне нужно было смыть не только запах, но и мысли об Араксусе. Равно как и весь этот день.

Глава IV

На следующий день я намеревался добыть больше информации, расставить сети и ждать улова. Встреча с Араксусом была не особо результативной, но могла принести свои плоды в будущем. Тем не менее, у меня были и другие источники, которые можно было потрясти.

Надев тогу, мою единственную тогу, я решил обойти всех, с кем ранее контактировал мой отец. По крайней мере, тех, кто был честен с отцом, а не стервятников, ликовавших на месте его краха. Я обошел все от портика до базилики, выискивая людей, которых когда-то знал. Это были люди, торговавшие произведениями искусства – от мраморных статуэток и свитков поэзии до ассириканского тончайшего шелка и арбариканских золотых украшений. Это были люди, понимающие ценность необычных вещей и много знающие о таинственных источниках и экзотических материалах, которые могли бы использоваться в запрещенных ритуалах. Они знали достаточно, чтобы рассказывать убедительные истории своим покупателям, которые иногда знали намного больше, а иногда – намного меньше. Они были уважаемыми гражданами со своими конторами и складами, заполненными изысканными изделиями для истинных ценителей.

Я разделил с ними бесконечное множество фаршированных фиников, медово-миндальных пирогов, сахарного печенья с кунжутом и еще больше кубков разбавленного вина. Я задавал неспецифические вопросы и получал неспецифические ответы. В результатевсе были осведомлены о том, что мне нужна определенная информация и я могу за нее щедро заплатить. Оставалось ждать, пока жадность возьмет верх над разумом самых корыстных из этих торговцев.

К вечеру я пришел домой. Мои ноги болели от ходьбы, желудок – от сладостей, а голова – от вина. В атриуме я стряхнул с себя тогу и отправился в постель в набедренной повязке, остановившись только затем, чтобы сделать глоток освежающей прохладной воды, текущей из набухшего члена моего сумасшедшего фавна.

* * *

Проснулся я уже после захода солнца – отличное время для продолжения расследования. На этот раз я собирался порасспрашивать людей, встающих с приходом темноты.

Даша приготовила манную кашу с ломтиками бекона, яичницу и хлеб. Готовила она, возможно, так себе, зато всегда знала, что мне нужно. Я отужинал, развалившись на кушетке на заднем дворе дома в компании моего неотлучного фавна, поглядывающего на меня с ухмылкой. Он был сделан из бронзы и покрыт местами потертой и отколовшейся краской. Остальные предметы искусства из коллекции моего отца были проданы, но почему-то именно этот стал особенно близок мне (или просто никто не купил бы его).

Я надел старую, но все еще пристойную тунику, закрепил кинжал под рукавом в зоне предплечья и повесил кошелек с мелкими монетами на пояс, спрятав настоящий кошелек глубоко во внутренний карман.

Выйдя из дома, я двинулся пешком в южном направлении опять по хребту Меридионали и дальше вниз на другую сторону. Все заведения, которые я планировал посетить в эту ночь, были местными и располагались в районе Субвалес, вдоль берега или на Кампус Цивикус. Район Субвалес – сторона Меридионали, удаленная от берега и смотрящая на материковую часть суши, – в основном состоит из утлых домишек для бедных, иностранцев и свободных граждан – алкоголиков Эгретии. Вдоль берегов залива находятся крупные рынки – Форум Бовариум, Форум Фрументариум и Форум Пискариум, между которыми располага-

ются силосы для хранения зерна, склады и огороженные площадки, где держат продукты на следующий день. Почтенные граждане не появляются в этих районах после захода солнца, когда на их место выходит толпа портовых рабочих и поденщиков.

Учитывая то, какие заведения я собирался посетить и по каким улицам ходить этой ночью, я как можно быстрее отправился к основанию возвышенности возле Порта Фульвия – в пользующуюся дурной славой таверну под названием «Маринованный угорь». Заприметив небрежную вывеску с изображением *амфоры* и выглядывающих из нее угрейна обочине узкой улочки, в стороне от площади странной формы, я сделал несколько шагов вверх по дороге и нырнул в низкий проход. Мои глаза уже привыкли к ночной темноте, и мне потребовалось несколько секунд, чтобы приспособиться к тусклому освещению внутри. Пройдя в таверну, я оглядел дальние столики, но не увидел там того, кого искал.

Я купил выпивку и спросил у хозяина: «Красситий на месте?»

«У него дела на заднем дворе, – отвечал он с ехидной ухмылкой, – но, думаю, он скоро освободится».

Я решил подождать за свободным столиком.

Сделав один глоток вина, решил не торопиться. Впереди была долгая ночь, и я не хотел начинать ее с изжоги.

Несколько минут спустя мой появился мой друг Красситий, застегивая ремень. За ним вышла пухлая девушка невысокого роста, которую он шлепнул по попке, когда та проходила мимо. Я окликнул его.

«Феликс! Пусть у Сервилия отсохнет мошонка, если это не Феликс Фокс!» – похлопал он меня по плечу.

«Маркус Красситий, – подмигнул я в ответ. – Все еще в форме, как я погляжу».

Он рассмеялся. «Это правда. В моем деле без этого никак. Сколько уже, два года прошло с нашей последней встречи? Раньше ты захаживал чаще. Так в чем же дело, вдруг стал слишком хорош для старых приятелей?»

Мы немного поболтали, обмениваясь шуточками и новостями. Когда он заказал себе третий кубок вина и начал предаваться воспоминаниям о нашей совместной службе в армии, я решил, что пора закончить обмен любезностями.

«Ты все еще держишь ту казарму бывших гладиаторов? Мне нужно нанять одного сегодня на ночь».

Улыбка осталась на его лице, но глаза сузились, и все признаки опьянения испарились, как только запахло выгодным дельцем. «Да, держу. Некоторые из них ожидают неподалеку, ведь никогда не знаешь, в какой момент клиенту вздумается сломать кому-нибудь руку или развлечь даму. Кто именно тебе нужен?»

«Кто-нибудь крупный, довольно угрожающего вида, чтобы избежать неприятностей».

«У меня есть как раз то, что тебе нужно. Великан арбари – рыжие усы, мощная мускулатура, тренирован для *цестус*, но и хорош для *гладиус*. На какой срок?»

«Только на одну ночь». Мы немного поторговались и договорились о цене и страховых расходах на случай, если я верну поврежденный товар. По уверениям Крассития, цена была выгодной, как «для своих», хотя я посчитал ее слегка завышенной. Так или иначе, мне нужно было вернуться живым после сегодняшней ночи, чтобы Корпио мог возместить мои расходы.

Красситий отправил раба за гладиатором, которого, как я узнал, звали Бораксом. И он не преувеличивал – это был громадный арбари, склоняющий голову, чтобы пройти под низким потолком, с длинными рыжими заплетенными усами и длинными рыжими, тоже заплетенными, волосами. На нем были лишь кожаные штаны и накидка, на лице – постоянный оскал. Его торс был оголен, а тело расписано синими вайдовыми татуировками. Казалось, он

может одной рукой поднять дикого кабана и проглотить его за один присест. Должно быть, большая часть денег за его аренду пойдет ему на еду.

Взяв Боракса с собой в качестве охраны, я отправился по всем злачным заведениям, в которых проходила ночная жизнь Эгретии. Так же как и с почтенными знакомыми моего отца я бродил из одного заведения в другое, посещая питейные заведения, игорные притоны и склады, отслеживая людей, которые не желали кому-либо раскрывать свое местонахождение. Это также были люди, специализирующиеся на перемещении ценностей, но, как правило, без согласия их предыдущего владельца. Я спрашивал о слухах, недостачах, торговле контрабандой и прочей подозрительной деятельности. Я также интересовался богатой молодежью, которая когда-либо была замечена в непривычных местах, и персонажами, задающими неуместные вопросы.

В отличие от более уважаемых людей, с которыми я беседовал утром, ночью нужна была наживка покрупнее. Добрыми делами этих людей не прельстишь, и я оставлял им немного монет. Нужно было действовать максимально осторожно. Эти люди знают цену тайнам со всеми возможными последствиями, но они же отлично знают и сумму, за которую любую тайну можно продать… Нужно было дать им знать, что я готов платить за неудобную информацию, не выдавая при этом клиента.

Так же как и утром, я прошел не одну милю, бесконечно говорил о неопределенных вещах, получая неопределенные ответы. При этом еда становилась все хуже, а вино – просто отвратительным. Хорошо, что чесночное дыхание Боракса за спиной уберегло меня от неприятностей.

Домой я вернулся в предрассветные часы. Поход оказался безрезультатным, но в моем деле бывает и такое, более того, я не ожидал немедленного успеха. Сети были расставлены, и если в каких-либо слоях общества есть информация об этом злосчастном предприятии, она обязательно попадет ко мне.

* * *

На следующее утро я проснулся позже обычного и решил, что пора встретиться с Гнеем Друсусом. Вместо официальной тоги я решил надеть свою лучшую тунику голубого цвета с золотистой отделкой подола в виде основного Гелликанского орнамента. Нужно было создать гармоничный внешний вид и произвести на юного аристократичного друга Кэзо впечатление респектабельного, но отзывчивого человека.

Я отправился к Форуму Эгретиум по всегда шумным улочкам возле гавани в направлении Коллегии Меркаторум, где Гней Друсус, *филий,* проводил время на занятиях у знатока торговли, обучаясь всему – от географии и бухгалтерии до иностранных языков. Там были владельцы лавок, таверн и малого предпринимательства, а также элитная молодежь из богатых семей, посещающая Коллегию Меркаторум и обучающаяся управлению торговыми империями.

Я заприметил раба, охраняющего дверь. Это был не сторож-здоровяк, а щупленький лысеющий мужичок с гордо поднятой головой, который всем своим видом демонстрировал, что он, хоть и раб, все равно лучше всех, кто не значится в его списках. Я спросил о младшем господине Друсусе. Информация о том, что он все-таки был внутри, стоила мне целого *динария;* еще одного серебряного *динария* — обещание передать Друсусу, что я жду его в таверне за углом.

По пути к своему пункту наблюдения я остановился у фонтана Иуно Монета перед колледжем, чтобы освежиться. Остановив одного из пробегавших уличных мальчишек, я дал ему *квадранс* и махнул рабу у двери, тот слегка кивнул в ответ. Это был запасной вариант на

случай, если юный господин не найдет времени для такого, как я. Тогда раб укажет на него мальчишке, а тот аккуратно предупредит меня.

Я уселся за маленький столик, откуда открывался отличный вид на Коллегию, и принялся ждать.

Долго ждать не пришлось. Четко в полдень кадеты и персонал Коллегии ринулись из огромного здания с впечатляющей колоннадой на входе. Все торопились на перерыв. Наконец, раб у двери прошептал что-то на ухо нанятому мною мальчику, который быстро подбежал ко мне и указал на идущего в одиночестве молодого человека. «Это человек, которого выждете, *домине.* Вон тот, невысокого роста с темными волосами».

Я встал и подошел к Друсусу, когда тот оказался неподалеку. «Гней Друсус, позвольте представиться. Меня зовут Спуриус Вульпиус Феликс, также известен как Феликс Фокс. Я буду рад угостить вас вином и закусками, если позволите».

Мы присели, и я подал знак рабыне, чтобы та принесла нам хорошего вина и чего-нибудь легкого на обед. Как правило, народ, собиравшийся возле Форума Эгретиум, был повыше классом, чем мои ночные собеседники. Соответственно и качество вина было на порядок выше. Девушка выставила перед нами несколько блюд, на которых были фаршированные перепелиные яйца, крохотные рыбешки, жаренные в кляре, оливки, хлеб и кусочки козьего мяса с морковью в тминном соусе.

«Чем обязан такой чести?» – спросил он, закинув в рот фаршированное яйцо.

«Жаль, что мне приходится быть гонцом с плохими вестями, Гней Друсус, но я должен сообщить вам о смерти вашего друга Кэзо Квинктиуса, который скончался три дня назад». Друсус побелел. «Он был найден мертвым в своей постели. Его отец, как вы понимаете, весьма опечален».

«Что произошло? Неделю назад, когда я видел его в последний раз, с ним все было хорошо».

«Мы точно не знаем, – это было правдой. – Собственно говоря, его отец, рон, попросил меня разобраться в причине его смерти, для очистки его совести. Вы сказали, что он был вполне здоров, однако, как я понял из слов Корпио, его состояние в последнее время ухудшалось».

«Возможно, в последнее время он был не в лучшей своей форме, но не так, чтобы умирать от этого. Однако вы правы, ему действительно зимой становилось все хуже».

«Его отец упоминал, что прошлой осенью вы вместе ездили на Кеброс. Можете рассказать об этом?» – спросил я.

«В прошлом году он влюбился в уличного мима и был в ужасном состоянии. Он потерял аппетит и сон, так как, естественно, не мог признаться в этом отцу. А Квинктиус Корпио либо сам догадался, либо действительно все неправильно понял, но решил послать нас в путешествие, чтобы Кэзо избавился от дурных мыслей. В конце навигационного сезона мы отправились на Кеброс. Его отец обо всем договорился со своим братом на острове и попросил меня сопровождать Кэзо, чтобы я мог присматривать за ним и поднимать его дух».

«Вы помните имя этой девушки?»

«Кто сказал, что это была девушка? – ухмыльнулся Гней. – Но нет, не помню. Я никогда не видел ее. Мне достаточно было слышать о его постоянных страданиях».

«Поездка помогла ему?»

«Вначале он был полностью подавлен, чего и следовало ожидать. Как избалованный ребенок, у которого отобрали игрушку, он дулся всю поездку. Я пытался утешить его, объяснял, что хоть у него и не было будущего с этой дешевкой, он все равно сможет в любой момент уложить ее в постель, как, впрочем, любую из этих *моэкх.* Почему он не мог просто

порадовать своего отца, жениться на приличной девушке и держать эту уличную артистку в любовницах, как делают все остальные?»

«Поскольку я не раз видел влюбленных молодых людей, осмелюсь предположить, что такая перспектива вряд ли впечатлила его».

«Он и думать не хотел об этом. Кэзо без интереса слонялся по острову. Его дядюшка даже несколько раз приглашал на ужин достойную, готовую к замужеству молодую девушку, но он не проявлял к ней никакого интереса. И я не виню его – на мой вкус, она была слишком строптива, слишком образованна. В любом случае, через какое-то время на острове Кэзо начало становиться лучше. Свежий воздух, пешие прогулки, верховая езда, море вернули ему аппетит. Несколько раз мы на лодках путешествовали на меньшие острова, потом мне это надоело, а он продолжал. Он даже пытался ухаживать за Эмилией – девушкой, о которой я говорил, – но уже было пора возвращаться в Эгретию, чтобы успеть до закрытия навигационного сезона».

«Значит, его здоровье стало ухудшаться уже в Эгретии?»

«Я точно не уверен. Мы вернулись в ноябре, как раз на закрытие навигационного сезона. Я уже не мог дождаться возвращения. С меня довольно было этого несчастного острова, и я не мог представить себе ничего хуже, чем застрять там на целую зиму. Как только мы прибыли в город, Кэзо тут же отправился искать эту его *моэкху,* но не мог найти. Ее труппа уехала на зиму. От этого он полностью упал духом – должно быть, надеялся на свидание с ней в Сатурналии», – подмигнул Друсус.

«Как звали эту таинственную женщину?»

«Простите, но я не помню. Уверен, он упоминал ее имя, но она ведь фактически была никем. Думаю, этот дурачок мог подхватить какую-то лихорадку, так как в последнее время я почти не видел его в Коллегии».

«Знаете ли вы, чем он занимался во время *интеркаларис*, или может кого-то, кто мог бы знать? Его отец был бы очень признателен».

«Да нет, в последнее время, как я уже говорил, мы особо не виделись, да и с остальными из нашего небольшого круга он тоже не встречался. Он начал все чаще пропускать занятия в Коллегии, хотя преподаватели не были слишком строги к нему. Сами понимаете, ведь его отец – *рон.* Если вас интересует мое мнение, думаю, он просто подхватил от этой дешевки какую-то неприличную венерическую болячку и не хотел, чтобы отец узнал».

Мы еще немного поболтали, но больше я ничего не узнал. Как только Друсус ушел, я доел обед. В моем деле нужно питаться по мере возможности, особенно когда клиент берет на себя все расходы.

Глава V

Оставшуюся часть дня я провел, выискивая других приятелей Кэзо, и далеко за полдень мне удалось отыскать Лутация и Порция. Лутаций был долговязым юношей со светлыми рыжеватыми волосами и прыщавым лицом. Его друг Порций был немного выше и крепче. У него были каштановые волосы и торчащая клочками бородка, отрощенная, по моим предположениям, для того, чтобы безуспешно скрыть еще более многочисленные прыщи.

Вначале казалось, что им нечего добавить к рассказу Друсуса. Они тоже заметили, что за время зимних *интеркаларис* Кэзо замкнулся и ослаб; а с недавних пор они и вовсе потеряли связь с ним, когда он перестал ходить в их привычные места. Никто не следил за тем, чем он занимался, и не мог дать никаких намеков или подсказок.

Однако же когда Порций сказал, что Кэзо и Друсус были закадычными друзьями, я воспрянул духом. «А последнее время они много времени проводили вместе?» – спросил я.

«О, да, – сказал Лутаций. – Они всегда и везде ходили вместе, то и дело перешептываясь. Я имею в виду – не только в колледже, но и после занятий».

«Я слышал, как они говорили о каком-то клубе, где часто бывали, – сказал Порций. – Он расположен на Кливи Инфериор и называется «Битый череп». Это элитная таверна, маскирующаяся под логово распутства для увеселения богачей, которые хотят отвести душу без реального риска. Он упоминал одно имя. Дайте подумать… Что-то иностранное, думаю, гелликанское».

«Нет, уверен, ассириканское, – ответил Лутаций. – Зимаксис. Точно».

«Да, ты прав, Гай Лутаций, – сказал Порций. – Это точно был Зимаксис».

«А вы бывали в этой таверне?» – спросил я.

Оба покачали головами. «Это заведение не для нас», – сказал Порций. «Слишком дорогое», – добавил Лутаций со вздохом.

«Вы замечали что-либо странное в поведении Кэзо зимой?»

Они переглянулись. «Ну, его здоровье слабело, это точно, – сказал Лутаций. – Думаю, это началось прошлой осенью. Хотя со временем все только ухудшалось. Он исхудал, побледнел. Появились темные круги под глазами. Он ушел в себя, начал пропускать занятия. Мы навещали его несколько раз, но ничем не могли поднять его настроение».

«Не знаю, что это была за изнуряющая болезнь, – сказал Порций, – однако я точно знаю, что его отец нанимал лучших в Эгретии *магистери карнеум,* но даже они не смогли помочь. Вообще Кэзо отказался общаться с ними, хотя мы, как могли, пытались убедить его, что это для его же блага».

«Я считаю, – сказал Лутаций, – это не была никакая лихорадка. Ему просто разбили сердце».

«Вы с ним всегда были такими слюнтяями», – сказал Порций.

«Романтик и слюнтяй – это разные вещи!»

«Почему вы считаете, что ему разбили сердце?»

– я попытался вклиниться в их дебаты.

«Однажды он рассказал мне, что встретил девушку, – сказал Порций. – Ее звали Махатикса – митзрана с другой стоны Гор Мауретании. Она была экзотичной, грациозной и очень привлекательной. Я особо ее не видел, но помню, что Кэзо знал толк в женщинах, хотя и не умел выбирать их среди своего сословия». Порций что-то пробормотал в знак одобрения, и Лутаций продолжил. «Думаю, я видел ее труппу на улицах около месяца назад, как раз перед новым годом. Они устанавливают обычную палатку мимов и часто передвигают ее с места на место. К ней еще прикреплен летающий флажок с изображением сфинкса. Они выступают возле доков и Цирка Магнус на Кампус Цивикус».

Мне показалось, что остальная часть нашего разговора с Порцием и Лутацием не относилась к делу, поскольку друзья постоянно перебивали друг друга, переходя на отвлеченные философские темы. Я поблагодарил их и попросил связаться со мной, если они вдруг вспомнят что-нибудь стоящее внимания. Я заплатил за наше вино, так что у меня было чувство, что они действительно сообщат, если что-нибудь вспомнят.

Теперь меня интересовало расхождение в версиях, предложенных Порцием с Лутацием и Друсусом. Действительно ли Друсус ничего не знал о занятиях друга, что привели к его смерти? Или он знал обо всем, но пытался ввести меня в заблуждение? Был ли он сам замешан и пытался теперь скрыть это? Или это два юноши склонны просто преувеличивать невинные события? Учитывая то, что мне было известно о Друсусе и, в частности, о его семье, нужно было больше доказательств, чтобы обличить его во лжи.

* * *

Перед тем как взяться за «Битый череп», решил отыскать Махатиксу. Я не сомневался, что с Кливи Инфериор у меня ночью проблем не будет, так как это большей частью тихий район. Мне было интересно, смогу ли я что-нибудь узнать об этой загадочной женщине, покорившей сердце Кэзо.

Я зашел домой, быстро переоделся и пошел «на ощупь» в район доков. Поскольку был *Аврилис,* смеркалось довольно рано, а мне не хотелось оказаться на Кампус Цивикус в полной темноте. Какое-то время я шел среди людей, спешащих закончить работу и пойти домой. Этой ночью Фортуна улыбнулась мне, так как почти сразу я увидел толпу людей, собравшуюся возле силосов Форума Пискариум, посреди которой стояла палатка труппы мимов, а на ней развевался флаг с изображением сфинкса.

Я подошел поближе и остановился сзади, наблюдая представление. Это было довольно грубое шоу, впрочем, как и собравшаяся толпа зрителей. Эти люди не были ценителями изысканной Гелликанской драмы с хитросплетениями гордых характеров и неотвратимостью судьбы. Представление было построено вокруг шаблонных персонажей и абсурдного сюжета – легкомысленный старый хозяин, молодая жена-мегера, ее любовник-сосед и вездесущие рабы, которые все замечают и посмеиваются за спинами хозяев. Частые сцены за занавесками и оголение грудей под свист толпы. Однако они были довольно хороши в своем деле – лучше, чем многие такие труппы.

Несмотря на маски, я смог выделить около семи человек, играющих разные роли. Двое из них были женщины, обе молодые. Ни одна уважающая себя эгретская труппа не выпустила бы женщину на сцену, однако эта труппа не была ни эгретской, ни особо уважаемой. Думаю, в ней было еще несколько человек, но всего не больше десяти.

Между первой миниатюрой и следующей, во время смены декораций, труппа предлагала другие развлечения, чтобы не потерять толпу: обычные дети выполняли акробатические номера и играли на флейтах, нескладный здоровяк поднимал их всех вместе над головой. Я, конечно, не был уверен, но, похоже, темнокожая красавица, исполнявшая Танец семи платков, и была Махатиксой. Ее тело искрилось в лучах заката, переливающегося на гладкой коже, в то время как платки скользили по ее изящным изгибам, струясь за ней в движении танца, и в конце легко опадали подобно осенним листьям. Ни один мужчина в толпе не отвел от нее глаз, пока она танцевала, хотя более опытные, даже раскрыв рты, стали крепче сжимать свои кошельки. Она удалилась в палатку, унося за собой последний платок, развевающийся на ветру. Каждый из мужчин-зрителей издал что-то среднее между вздохом и стоном, как вдруг остальная труппа быстро вышла на сцену и начала следующую миниатюру.

Я дождался окончания представления. Народ начал рассеиваться, а актеры и танцоры ходили вокруг с чашами, собирая пожертвования. Я встал ближе к девушке, и когда она подо-

шла, назвал ее имя, будто знал ее ранее. Она подняла глаза, я улыбнулся в ответ. Положив в ее чашу целый *сестерций*, я сказал: «Это за чудесное шоу». Она улыбнулась, а я достал серебряный *динарий* и, держа его между большим и указательным пальцами, добавил: «А это станет вашим после того, как мы поговорим о Кэзо Квинктиусе».

Она засомневалась. «Симпатичная девушка наедине с незнакомцем – вряд ли это хорошая идея, – ответила она. – Такие истории редко имеют счастливый конец для девушки».

«Меня зовут Феликс, некоторые называют Феликс Фокс. А вы – Махатикса, великолепная танцовщица митзрана, похитившая сердце Кэзо. Так что теперь мы знакомы, – улыбнулся я. – Но чтобы вы были абсолютно спокойны, возьмите с собой того силача из вашей труппы. Я с удовольствием угощу его кубком вина, только пусть сядет за соседний столик, чтобы мы могли поговорить».

Похоже, это убедило ее в отсутствии каких-либо злых намерений с моей стороны. «Подождите здесь», – сказала она.

* * *

Она помогла труппе упаковать вещи и через несколько минут вернулась, одетая на этот раз в приличное плиссированное платье и накидку. Ее сопровождал громила, чье имя, как я позже узнал, было Харкхуф.

Дойдя до ближайшей таверны, мы сели за боковой столик и усадили Харкхуфа за соседний. Я заказал вино для нас и пиво для здоровяка. Его хмурый вид улетучился, как только пышногрудая девица поставила перед ним большую кружку с пивом, и я понял, что он нас не побеспокоит.

«О вас мне рассказали друзья Кэзо Квинктиуса – Гай Лутаций и Гией Порций, – сказал я, предвкушая ее реакцию на новость о его смерти. – Вы виделись с Кэзо последнее время?»

«С тех пор, как мы вернулись, нет. Мы провели всю зиму в Геллике и вернулись всего несколько недель назад к фестивалю *Анны Перенны*. Так как поживает Кэзо?»

Длинная пауза заставила ее нахмурить идеально изогнутые брови. «Жаль, что именно мне приходится сообщать вам эту новость, но Кэзо скончался. Позавчера утром он был найден мертвым в своей постели». Она вздрогнула и укуталась глубже в свою накидку.

«Он чем-то болел зимой?»

«Ему действительно было нехорошо, но его семья не знает, что за недуг это мог быть». Говоря это, я смотрел ей прямо в глаза. Лукавства в них не было. Казалось, она была искренне удивлена и опечалена смертью Кэзо.

«А какова ваша роль в этом всем? – спросила она. – Вы платите за эту беседу, а значит, сообщаете мне эту новость не по доброте душевной. Видно, что вы заинтересованы, но не пытаетесь меня поразить своим богатством. Думаю, вы сыщик, нанятый отцом Кэзо. Значит, в его смерти есть что-то странное. Вряд ли вы можете подозревать меня, ведь меня не было в Эгретии всю зиму!»

Я невольно улыбнулся. Девушка была умна и не боялась это демонстрировать. «Вам не о чем волноваться. Меня и вправду нанял Корпио, *патер*. О вас мне рассказали Порций и Лутаций, как я уже говорил. Я всего лишь пытаюсь воссоздать картину жизни Кэзо, чтобы слегка умерить горе его отца. От Друсуса я также слышал, что Кэзо был влюблен в вас. Могли бы вы рассказать о ваших отношениях?»

«О, это был всего лишь летний роман, – начала она. – Прошлой весной мы однажды выступали на другой стороне города для более почтенной публики. Хотели проверить, сможем ли мы таким способом заработать больше денег, чем *квадрансы* и *семисы* от портовых грузчиков. Мы даже подготовили не простое шоу мимов, а выборочные сценки из приличных драм. Но все равно для этого нужно было собрать толпу. И когда я начала свой Танец

семи платков, *вигилес* решили разогнать нас. Вероятно, их позвал какой-то старый заносчивый зануда, проходивший мимо в тот момент. Кэзо, скорее всего, был среди толпы, поскольку он последовал за нами сюда. Вначале он показался мне очередным ненормальным, из тех, что волочатся за мной повсюду. Но он был довольно настойчив, очарователен и очень хорош собой…

Я, конечно же, ему отказала, но он почти каждый день возвращался с цветами, украшениями и другими подарками. Он казался таким наивным, еще совсем мальчишкой, и это было так мило… В общем, однажды я позволила ему угостить меня ужином. Потом еще раз. Мы разговаривали, гуляли. Понимаете, я ни от кого не завишу – я не раб труппы. Дйати, наш хозяин, не имеет ничего против. Главное, чтобы я приходила на представления, собирала толпу и помогала с палаткой».

Помешав пальцем осадок в своем кубке, я дал знак принести нам еще вина. Я видел, как Харкхуф за спиной у Махатиксы опрокинул очередную кружку пива и без стыда ущипнул за ягодицы проходившую мимо обслуживающую нас девицу. Девица была молода, кокетлива, с пышными формами, но ее привлекательность не могла даже сравниться с красотой сидящей напротив меня женщины. Я провел пальцем по столу, оставив мокрые следы, и посмотрел в ее сверкающие черные глаза.

«И так продолжалось все лето и до поздней осени. Мы проводили время, убегая от привычной жизни, много гуляли. Ему нравился островок, на котором стоит Фарос, – и близко, и в то же время далеко. Там мы могли уединиться. Конечно, он не мог ходить со мной на официальные мероприятия – его семья не одобрила бы этого. Но в неформальной обстановке мы встречались с его друзьями и другими людьми нашего возраста. Я познакомилась с Лутацием и Порцием – они мне понравились. Я также видела Друсуса, но он показался менее приятным – слишком категоричен, слишком горд историей своего рода, чтобы не осуждать нас. Мы с Кэзо вместе ходили на интермедии и игры, закрытые поэтические вечера, в таверны с более непринужденной обстановкой. В Эгретии много всего происходит ночью – нужно лишь знать места и людей.

Он пытался давать обещания, которые не смог бы сдержать, – о том, что женится на мне однажды. Я изо всех сил старалась разубедить его. Его семья никогда не допустила бы этого, он бы никогда не смог стать частью нашей жизни, а я никогда не согласилась бы сидеть взаперти, как какая-то эгретская матрона. Но он не слушал. Он все повторял, что однажды придумает, как все устроить, и плевать на общественный строй.

Я, конечно, пыталась охладить его пыл, хоть и безуспешно. К счастью, отец отправил его на Кеброс. Кэзо дулся и ругался, но все-таки поехал, покорившись воле родителя.

Зимой моя труппа гастролировала по Геллике. Мы посетили Гераклион, Эфемезику и Фрилию. Вернулись весной на судне. Последние несколько недель я его не видела, и мне было интересно, появится ли он снова. А теперь вы приходите и говорите, что он мертв…». Она опять вздрогнула.

«Вы, должно быть, расстроены». Я положил свою правую руку поверх левой руки Махатиксы в знак сочувствия. Вероятно, она привыкла к такого рода жестам со стороны мужчин и даже не глянула вниз. К тому же флиртом она тоже зарабатывала на жизнь, поэтому не убрала свою руку. И я не буду себе льстить, что мог ее заинтересовать как мужчина.

«Скажите, – решил я продолжить разговор, – вы же митзрана, не так ли?» Она кивнула, и я продолжил: «Ваши люди чрезвычайно интересуются загробной жизнью. Они даже сохраняют тела умерших для жизни после смерти. Проявлял ли Кэзо интерес к этой теме?»

«Вовсе нет, – сказала она. – Он больше интересовался светской жизнью; о многом мечтал, но был недостаточно решителен, чтобы достичь чего-то помимо заурядной карьеры купца в отцовском деле».

Продолжая держать свою руку поверх ее, я осторожно пододвинул ее ближе к себе, глядя ей в глаза. Когда она коснулась следов винного осадка, оставленных мною на столе, я ощутил легкое тепло, идущее от ее рук, краем глаза увидел их блеск и мерцание и почувствовал едва уловимую нотку свежести после дождя.

«Довольно, – сказал я. – Какой смысл лгать? Мы оба знаем, что он интересовался этими вопросами и делился с вами». Отпрянув, она попыталась выдернуть руку, но я крепко держал ее запястье. «Прошу вас, давайте решим все культурно. Если вы оглянетесь, то увидите, что Харкхуф уже довольно пьян благодаря моей щедрости. Попробуете кричать и звать на помощь…»

Вытянув правый указательный палец, я опустил его в слегка светящийся винный след сбоку и провел им через ее запястье, коснувшись винного узора с другой стороны. Я убрал свою руку. Попытавшись убрать свою, она поняла, что привязана к столу сверкающим узором, крепко удерживающим ее запястье.

«Я всего лишь обычный гражданин, сидящий напротив чужеземки. А вы, с другой стороны, не сможете убрать руку со стола, пока не перестанете лгать». Посмотрев в ее глаза, я увидел слезы отчаяния, к которому примешивался страх. «Прошу вас, не бойтесь. Я не причиню вам вреда. Мне всего лишь нужно знать, что было опущено в вашем рассказе».

Она снова попыталась выдернуть руку, но безрезультатно, оглянулась на Харкхуфа, но тот что-то невнятно бормотал себе под нос. Сдавшись, она села удобней, выпрямилась и посмотрела мне прямо в глаза.

«Я не лгала, – сказала она жестко. – Все, что я сказала, – правда».

Узор стал немного ярче. «Вы что-то опустили».

«Да, опустила. Думаю… Думаю, мне просто не понравилось, в каком направлении начал двигаться Кэзо в прошлом году, и я пыталась отдалиться от него. Понимаете, я испугалась. Мы виделись после его приезда – за несколько дней до нашего отъезда из Эгретии. Однажды вечером он повел меня в эту маленькую таверну на Кливи Инфериор. Вначале я думала, что мы просто встретимся там с его друзьями. Это довольно спокойный район, где живут многие влиятельные купцы. Но, оказавшись там, мы сразу пошли в дальнюю комнату – за всеми столиками и танцовщицами. Мы спустились в подвал и уже там встретили некоторых людей. Комната была полна дыма и освещалась лишь тусклыми масляными лампами. Кажется, там был Друсус, но я не уверена.

Мы сели с одной стороны стола. Кэзо ничего не говорил, лишь велел мне ждать и смотреть. Через какое-то время музыкант, которого не было видно, начал играть на лире что-то звериное, немелодичное. Сквозь дым засветилось что-то красное, и вошел низкий лысый человек в странном балахоне с темной пудрой вокруг глаз. Он говорил о вечной жизни, о богатстве и бедности, о нарушении естественного порядка и о получении того, что по праву принадлежит им.

Если честно, я подумала, что он какой-то ненормальный, самозванец. Он пытался выдать себя за одного из митзран, но он явно таковым не являлся. Ни один человек, исповедующий наши традиции, не стал бы говорить такое. Однако Кэзо был одурманен. Он ловил каждое его слово и все говорил об испытаниях на верность, которые нужно пройти, о том, что только избранные будут возвышены и посвящены в эти знания, когда, наконец, будут достойны. Дошло до того, что я больше не могла выносить этого, и решила уйти. Кэзо хотел остаться, мы поссорились, и я одна пошла домой.

После этого случая я перестала с ним общаться, по крайней мере пыталась. Он был все еще одержим мною, но только тогда я поняла, что это на самом деле было, – одержимость. Он ни разу не извинился за то, что отпустил меня ночью одну домой, а только пытался убедить меня пойти с ним туда снова, чтобы обрести «светлое будущее», как он это называл. Я

пыталась избавиться от него, так как ничего этого не хотела. К счастью, я вместе с труппой уехала из Эгретии в Геллику сразу после ссоры и с тех пор его не видела».

Я посмотрел на стол. Узор побледнел, пульсировал медленно и спокойно. Она говорила правду.

«А кто был этот мужчина? Вы знаете его имя или что-либо о нем?»

«Я почти ничего о нем не знаю. Видела его всего однажды, после чего отказалась ходить туда. Позже Кэзо сказал, что его зовут Зимаксис».

*** * ***

Я шел домой медленно, погруженный в размышления. Махатикса рассказала все, что знала, – в этом я был уверен. Закончив допрос, я чувствовал себя виноватым, что было для меня непривычно. Я плохо обошелся с ней и предложил помочь донести Харкхуфа к их жилищу. Никогда не позволяйте красивой женщине плевать вам в спину, как говорил мой отец.

Вначале она отказалась и больше не хотела иметь со мной никаких дел. Пытаясь улучшить ситуацию, я дал понять, что поверил в ее сказку о Зимаксисе, и уверил, что выведу его на чистую воду. Все оправдания и щедрая плата за беседу, казалось, слегка смягчили ее мнение обо мне, хотяя сам я слабо верил в свои слова.

Я опять предложил ей дотащить Харкхуфа, но Махатикса посмотрела на него с отвращением, выбила из-под него стул и громко сказала: «Пусть эта свинья спит тут на полу! Охранник из него оказался никудышный, так что он заслужил все, что с ним произойдет». Сказав это, она еще раз пнула его в бедро.

Я проводил ее до жилища труппы, таща за ней тяжелую тушу Харкхуфа. Несмотря на отвращение, она все же остановилась, чтобы помочь мне. Такие труппы держатся вместе как настоящая семья, так как знают, что помощи больше ждать не от кого. Совместные усилия по транспортировке пьяного охранника несколько улучшило ее отношение ко мне, и я расстался с ней, не получив плевка в спину.

По пути от гостиницы я размышлял над всеми вопросами, возникшими в тот день. Кем был этот загадочный Зимаксис? Обладал ли он действительно реальной силой? Или предположение Махатиксы о том, что он самозванец, верно? Если он и наложил на Кэзо убившее парня заклинание, как ему удалось все скрыть от *магистров* Коллегии Инкантаторум? Как мне обличить его? Имеет ли Друсус к этому отношение или он невиновен?

Действовать нужно осторожно. Свои уловки я могу практиковать лишь в паршивых тавернах на чужестранках с плохой репутацией, но это не то, что подействует на таких, как Друсус или даже Порций и Лутаций. Если бы с ними случилось подобное, это точно грозило бы судом, что вряд ли порадует Корпио. Что касается Зимаксиса, нужно будет установить его личность и статус. Если он и впрямь занимался некромантией в стенах нашего города, у него должны быть очень влиятельные патроны.

Глава VI

Той ночью я спал плохо. Меня опять мучили кошмары о трупе в колодце. Проснувшись до восхода, я решил проверить, смогу ли застать расходящихся по домам ночных гуляк Эгретии до появления дневных жителей. Одевшись и вооружившись, я обыскал кухню, обнаружил только неаппетитные холодные остатки трески под соусом из кориандра и тмина и отправился на поиски до появления первых лучей солнца.

Побродив по лабиринту улиц, ведущих от моего дома к Викус Петроса на вершине Меридионали, я быстро направился по главной дороге к Форуму Эгретиум. Возле Купален Маурития дорога огибает возвышенность, уходя вниз к форуму – сердцу нашего города. Оттуда открывается живописный вид на открытое пространство, окруженное впечатляющими административными зданиями. Несмотря на столь ранний час, улицы были загружены: отставшие повозки, спешащие вырваться из города перед дневным запретом, рабы, начинающие свой день до пробуждения хозяев, *вигилес,* заканчивающие последнюю смену.

Перейдя форум, я направился вверх к Викус Капрификус и повернул направо на Виа Кэка. Далее по правую сторону шел район Септентриональ, где находились особняки Корпио и многих других богатых и влиятельных людей. Моей целью был Кливи Инферио – нижние склоны Горы Вергу. Это респектабельный квартал с небольшими частными и невысокими жилыми домами. Этот район был заселен не сливками общества, но достаточно состоятельными людьми, которые могли позволить себе хороший дом недалеко от утесов со свежим морским воздухом.

«Битый череп» находился возле утесов, недалеко от Порта Рупис. По крайней мере так мне сказала Махатикса. Побродив по извилистым улочкам и расспросив прохожих, в боковом переулке, в стороне от круглой площади, я наконец увидел битый легионерский череп, подвешенный за верхнюю петлю над дверью. Солнце уже взошло, но редкие посетители засиживались в тавернах.

Сама таверна находилась на первом этаже четырехэтажной *инсулы* и имела отдельный от общественных помещений и верхних этажей вход. Зайдя внутрь, я сел за столик возле стены и заказал у сонной девушки яичницу и хлеб на завтрак. Осмотревшись вокруг, я увидел двух пьяных храпящих в углу патронов, уставшую куртизанку, собиравшуюся уходить, влюбленную парочку средних лет, заканчивающую свое свидание. Когда мои глаза привыкли к темноте внутри таверны, я смог разглядеть некоторые элементы декора. Вокруг были респектабельные люди – успешные купцы, военачальники в отставке, *квесторы* и работники различных корпораций – люди с хорошим доходом и благопристойным образом жизни, хранители старых традиций и ценностей. Тем не менее место было стилизовано под припортовую таверну – тусклое освещение, непристойные картины на стенах, нарочито грубые длинные столы. Хотя, присмотревшись, я заметил, что картины были непристойными лишь по своему содержанию, а не по качеству исполнения. Столы были из грубого дерева, но на скамьях лежали подушки. Это место притворялось низкопробным притоном, чтобы придать оттенок запретности в остальном серому окружению.

Я также заметил заднюю дверь и лестницу, ведущую вверх и вниз.

Через несколько минут девушка вернулась с моим заказом и кубком хорошо разбавленного вина. Она была стройной блондинкой лет восемнадцати в тунике, которая едва прикрывала ягодицы, да еще и с глубоким вырезом, что, должно быть, помогало привлекать выгодных клиентов. Положив руку ей на талию, я спросил: «Скажи, дорогуша, есть здесь задние комнаты?»

Она бросила на меня оценивающий взгляд. Я почти годился ей в отцы, но она, должно быть, привыкла иметь дело с мужчинами значительно старше. Ей не понадобилось много времени, чтобы оценить меня. Я выгляжу как типичный эгретянин – нос с горбинкой и вьющиеся темные волосы; гладко выбрит, среднего роста и телосложения. Ничего примечательного. Стараюсь держать себя в форме. Мама говорила, что я хорош собой, но вряд ли я слышал это от кого-то еще.

Приличная туника и звон монет в кошельке, вероятно, произвели на нее большее впечатление, чем мой внешний вид. Быстро оглянувшись и убедившись в том, что другие посетители не заметят ее отсутствия, она сказала: «Конечно, почему бы и нет».

И мы пошли к задним комнатам. Пройдя двери в кухню, я было повернул на ведущую вниз лестницу. Дернув меня за руку, она сказала: «Нет, моя комната наверху» – и потянула меня наверх.

«Я слышал, что нечто фантастическое происходит у вас в тавернах. Надеялся, ты покажешь мне», – подмигнул я ей.

«Нижняя комната исключительно для приватных мероприятий. Моя комната наверху».

«А эти «мероприятия» такие непристойные, как о них рассказывают?»

«Бывают, – ответила она, – однако вчерашняя вакханалия уже завершилась».

На верхнем этаже был короткий темный коридор с маленькими комнатками, отгороженными кусками материи, висящими в дверных проемах. Ее спальня была невероятно тесной – большую часть комнаты занимала кровать. Крошечное зашторенное окно высоко в стене пропускало немного света и воздуха, а маленькая картина, выполненная на деревянной доске, была единственным украшением. У нее была простая раскладная кровать, сундук с одеждой также выполнял функцию стола. Повернувшись ко мне, она спустила с плеч тунику, позволив ей соскользнуть на пол, и осталась стоять передо мной абсолютно голой. Тонкий силуэт, светлая кожа, маленькая грудь с розовыми сосками – ее тело не испытало разрушительного действия времени, но глаза были мудры не по годам. «Два *динария.* За все странности дополнительная плата», – сказала она, будто выделяя последнюю фразу.

Закончив, мы лежали мокрые бок о бок на спине, тяжело дыша. Через какое-то время она повернулась ко мне лицом. «Если ты интересуешься оргиями, завтра ночью будет оргия юношей, если это то, что ты ищешь». Она провела указательным пальцем по шрамам на моей груди. «Если нет, думаю, я найду для тебя время…».

«А сегодня? Какая вечеринка сегодня?»

Ее лицо помрачнело. «Только не сегодня. Все ночи перед *Нонами* забронированы. И мне не нравятся люди, которые туда приходят».

Я обнял ее за плечи. «Почему? Разве они делают что-то плохое?»

«Ничего такого в сексуальном плане, если ты это имеешь в виду. Они проводят встречи в затемненной комнате, а их лидер – этот ужасный маленький человек – одурманивает всех, и они поют эти странные песни. Он хорошо платит моему хозяину, чтобы тот не терял на продажах, но мне они совсем не нравятся».

Перед тем как я успел задать свой очередной вопрос, снизу раздались крики: «Дидья! Дидья, ты где? Вернись и закончи уборку!»

Дидья выскочила из постели и начала быстро одеваться. «Мой *доминус*! Нужно идти. Прошу, останься на минуту и не говори ему ничего, чтоб я не платила комиссию. Тогда я накоплю и смогу выкупить себя из рабства».

Она поспешила вниз. Встав, я оделся и оставил три серебряных *динария* на маленьком сундуке. На кровати осталось несколько ее светлых волос. Я поднял и аккуратно завернул в платок.

Бесшумно ступая по лестнице, я дошел до первого этажа, оглянулся по сторонам, прислушался к звукам, доносящимся с кухни и из зала, и осторожно спустился по лестнице к подвалу.

В комнате под таверной было темно, и лишь в углу мерцала одинокая свеча. Насколько я мог заметить, в помещении не было ни окон, ни других дверей. Несколько диванов и маленьких столиков беспорядочно стояли вдоль стен, повсюду были разбросаны дешевые подушки. В дальнем от двери углу был сооружен невысокий помост. На стенах торчали бра с погасшими лампами. Небольшие оформленные шторами ниши давали возможность уединиться, отгородившись от основной комнаты. Настенные фрески изображали различные сцены разврата от лесбийских оргий до сцен насилия фавнов над нимфами. Стоял запах разлитого вина, пота и спермы.

Сверху донесся звук шагов по лестнице, и я нырнул в комнату. Было слишком темно, чтобы проводить обыск, и если бы я рискнул пойти внутрь, то мог бы наткнуться на какую-нибудь мебель. Нагнувшись, я собрал немного пыли с пола и также завернул ее в платок.

Терпеливо подождав пару минут, пока никого не будет слышно, я поднялся обратно. Прокравшись мимо кухни, я вошел в основной зал, где Дидья убирала со столов. Больше никого не было видно. Я подмигнул ей и вышел из таверны.

* * *

После «Битого черепа» я направился домой. Обратно я пошел вдоль берега и купил живую курицу на Форуме Бовариум. Мне нужна была свежая кровь, хоть я и был уверен, что ничего нового не узнаю. Землю с пола дома, волосы с головы его обитателя и кровь жертвы нужно было завернуть в белую материю, бросить в огонь и посмотреть на пламя, которое и покажет, проникнуто ли помещение *магией.*

У меня была кровь жертвы (курица, которая вскоре станет моим ужином), пыль с пола (как раз из той комнаты) и прядь волос обитателя (Дидьи, живущей наверху). Должно подойти. Интуиция и отсутствие дрожи подсказывали мне, что комната под «Битым черепом» не видела ничего более предосудительного, чем небольшая содомия.

Если так, тогда где проходил Ритуал Пелегринус? И что делал Зимаксис в «Битом черепе», если не проводил ритуалы вместе с тайным обществом?

То, что я делаю, – это всего лишь мелочи, поверхностные вещи, которые под силу любому начинающему магу. *Инкантаторы* не обращают на это внимания. Однако ритуал некромантии, такой, как был проведен над Кэзо, требует верного направления огромной первозданной силы, которая не может пройти незамеченной мимо того, кто имеет истинное видение. Она вызвала бы пульсации и отзвуки, ощутимые на дальних расстояниях, и ее присутствие сохранялось бы длительное время.

И все же кому-то удалось провести такой ритуал, никого при этом не потревожив. Я был абсолютно уверен в том, что это подняло бы всех на ноги. *Квесторы* Коллегии Инкантаторум внимательно отслеживают все опасные действия. Я также был уверен в том, что знал бы о поднятой тревоге, поскольку такую вещь трудно держать в секрете. Слухи распространились бы по городу быстрее, чем вирус в детских садах.

В «Битый череп» я собирался вернуться ночью, чтобы проверить Зимаксиса. Продумывая все действия наперед, я по пути заглянул в «Маринованный угорь» и договорился с Красситием, опять наняв Боракса на ночь.

Вернувшись домой почти в полдень, я планировал пару часов поспать, но этому было не суждено случиться. Прямо на пороге Даша передала мне сообщение от Квинтуса Сосия

о возможно имеющейся у него информации. Развернувшись на сто восемьдесят градусов, я сразу же вышел обратно.

Квинтус Сосий был торговцем, специализирующимся на редких рукописях. Он был одним из близких друзей моего отца, с которым они по-товарищески соперничали, практически всегда объединяя свои возможности в определенных делах. Он был одним из тех, кто действительно сожалел о крахе моего отца и даже пытался помочь мне позже. Но, будучи искренне признательным, я все же не хотел становиться торговцем и выкарабкивался своими силами.

Его главные конторы, по которым можно было судить о его успехе, находились в Базилике Антония. Он также держал лавки писарей, создающих продаваемые отдельно копии свитков. Он торговал всем – от древних комедий Аристофана до оккультных писаний Ассириканцев, от проверенных оригинальных рукописей до качественных копий, которые обычный клиент едва мог отличить от оригинала.

Его секретарь сразу же пригласил меня войти. Сосий был мужчиной лет шестидесяти со все еще безукоризненно уложенными седыми волосами. Он имел хрупкое телосложение, слегка выдающийся живот и невероятно проницательные зеленые глаза. Привстав из-за стола, он тепло поприветствовал меня: «Спуриус Вульпиус! Входи-входи, присаживайся. Вина?»

«Прошу вас, Квинтус Сосий, никто не зовет меня Спуриус Вульпиус. Просто Феликс». Сосий хлопнул в ладоши раз, и угодливый раб прибежал, неся на серебряном подносе кувшин вина и кувшин холодной воды. «Будьте добры, побольше воды», – попросил я, вспомнив, что так и не съел свой завтрак.

«Прошу, не оскорбляй мое Вергувийское вино. Оно из частного имения на Эрратусе», – сказал он и щедро наполнил вином наши кубки, добавив лишь каплю воды. Он передал мне кубок, и мы вместе сделали по глотку. Хваленое вино действительно оказалось превосходным, о чем я ему тут же и сказал.

«Благодарю, однако пригласил я тебя не для обсуждения моих вин. Есть некоторые новости по интересовавшему тебя вопросу. Я получил письмо от моего агента в Геллике о выставленной на продажу старой библиотеке. Это старинная коллекция, которую я всегда надеялся однажды купить. Кажется, ее хозяин наконец скончался, а его дети больше заинтересованы в том, чтобы обратить ее в наличность.

Если мои источники не ошибаются, в этой библиотеке есть отдел с интересной коллекцией рукописей по разным областям *магии.* Возможно, многие известны и здесь, но некоторые совершенно незнакомы, а есть даже те, которые, как мне сказали, запрещены. Я пока что не могу утверждать с абсолютной уверенностью, но ходят слухи, что там есть несколько старинных свитков по *магии вита терминалис.*

Я не могу обещать, что все это точно будет иметь отношение к твоему расследованию, но могу предложить тебе следующее. За всю коллекцию они хотят целых десять талантов серебра, но я не хочу платить такую сумму, прежде хорошенько не изучив содержимое. Библиотека же находится в Эфемезике, куда я не могу сейчас поехать. Но я могу дать тебе рекомендательное письмо, представив тебя моим агентом. Ты сможешь внимательно изучить свитки, определить их истинную ценность и, конечно, найти информацию, которая тебе необходима в твоем деле. От моего имени ты будешь уполномочен торговаться о разумной, на твой взгляд, цене на всю коллекцию или ее часть. Я тебе полностью доверяю – твой дорогой отец хорошо тебя воспитал. Более того, я могу заплатить небольшую комиссию. Мой местный агент сможет организовать оплату и отправку, если это потребуется. Что скажешь?»

Мне не понадобилось много времени, чтобы принять решение. Сегодня ночью я планировал встречу с Зимаксисом. Если он действительно был некромантом и нес ответственность за смерть Кэзо, это дело будет закрыто, и у меня появится время выполнить поручение.

Если я выживу после встречи с Зимаксисом и закрою это дело, путешествие и дополнительный доход будут как нельзя кстати. Однако даже в случае провала ночного расследования эта библиотека все равно сможет принести определенную пользу, если мне посчастливится там найти такую труднодоступную информацию о ритуалах некромантии. И, конечно, я не откажусь от комиссии.

«Это очень любезное предложение, Квинтус Сосий, и я буду рад принять его. Однако, вероятно, я не смогу уехать в ближайшие несколько дней, так как нужно закончить некоторые дела».

«Великолепно. Я бы очень хотел, чтобы именно ты оценил коллекцию. Это напоминает мне о старых временах, когда мы объединялись с твоим отцом и получали лучшее и от покупателей, и от продавцов… Как бы то ни было, я велю писарю составить официальные письма и отправить их на твой адрес сегодня до конца дня».

Придя домой, я застал еще одного посланника. Тифей стоял в атриуме, изучая потускневшую мозаику бассейна. «Мой хозяин хочет знать, как продвигается дело. Маркус Квинктиус желает приступить к похоронам как можно скорее. Он побоялся приглашать бальзамировщиков, опасаясь, что поползут слухи. Тело, одетое согласно традициям, торжественно лежит в нашем атриуме, но поскольку бальзамирование проведено не было… Похороны должны состояться в ближайшее время. К тому же мой хозяин озадачен процессом кремирования – чтобы не было никаких… остаточных явлений».

«Его переживания вполне понятны. Никто бы не хотел, чтобы тело взорвалось в погребальном костре. Я дам вам имя человека, который поможет Квинктиусу Корпио в этом деле без огласки. Он иностранец, но ему можно доверять. Он осведомлен о татуировках силы, и если на теле Кэзо что-то и останется, он все обезвредит. Дайте подумать, я увижу его чуть позже и направлю в дом вашего хозяина. Есть еще знакомый бальзамировщик. Он слабо связан с официальной гильдией бальзамировщиков, очень талантлив и умеет хранить секреты.

Что касается расследования, я уже кое-что узнал, сейчас отрабатываю информацию и сообщу все, как только получу какие-то факты. Уверен, Корпио понимает деликатность всего вопроса». Тут мне в голову пришла одна мысль, и я решил попробовать. «Знания об этом искусстве идут издалека. Здесь, в Эгретии, они хранятся за семью замками или были сожжены много столетий назад. Однако у меня имеется информация из проверенного источника о тайнике в Эфемезике, где может храниться информация о… о том, во что был вовлечен Кэзо. И я хотел бы узнать, мог бы Корпио организовать для меня пропуск на один из его кораблей? Если я не смогу найти все источники силы, воздействовавшие на юного хозяина, здесь, в Эгретии, мне вскоре нужно будет отправиться и туда, и на Кеброс, где Кэзо был прошлой осенью».

Через некоторое время Тифей ушел. Я дал ему указания и инструкции, как связаться с моими знакомыми – татуировщиком Бревином и бальзамировщиком Акхирабусом. В ответ он пообещал поговорить с хозяином и в кратчайшие сроки дать ответ о пропуске на корабль *рона.*

Наконец меня ждал заслуженный сон.

Глава VII

Проснулся я на закате. В кабинете меня ждали два квадратных папируса с сургучной печатью кольца Квинтуса Сосия. Один был адресован его агенту в Эфемезике, другой – владельцу библиотеки. Доедая приготовленную Дашей курицу с бобами, я услышал, как она открыла дверь и что-то тихо сказала. Пришел Боракс, и мы отправились в дорогу.

«Битый череп» был наполовину пуст. Дневной народ уже разошелся, а ночной – еще не собрался. Я выбрал столик у стены, откуда были хорошо видны остальная часть зала и проход к задним комнатам.

Подав знак проходившей мимо девушке, я попросил принести вина. Она вынесла два кубка и два кувшина, и я попросил налить больше воды, чем вина. «Скажи, где сегодня Дидья?» – спросил я.

«Помогает на кухне. Она выйдет позже, когда людей будет больше».

«Будь любезна, передай ей, что пришел дядя Феликс», я достал бронзовый *квадранс* и протянув его девушке.

Взяв его, она кивнула и ушла.

Попивая вино, мы принялись ждать. Как я и предположил, судя по клиентуре, это было приличное вино с легким ароматом меда и тимьяна. Владелец знал, что его клиенты не станут довольствоваться меньшим.

Долго ждать не пришлось. Мимо прошла Дидья, неся поднос с закусками из солений и раздавая их гостям. На обратном пути в кухню она остановилась у нашего столика и поставила блюдце с оливками. «Соскучился?» – подмигнула она.

«По твоим голубым глазам. Скажи, Зимаксис уже здесь? Нужно поговорить с ним».

Нахмурившись, она сказала: «Он плохой, очень плохой, но дело твое. Нет, он еще не пришел. Обычно он приходит позже, хотя они уединяются внизу задолго до полуночи, когда начинаются их песнопения». Она вздрогнула.

Я вынул *сестерций* и положил его на стол. «Будь добра, покажи его мне, когда он появится».

Взяв монету, она подняла поднос и ушла, не сказав ни слова. Боракс и я остались сидеть за столом, медленно попивая вино и поглядывая на лестницу сзади.

Через какое-то время, когда казалось, что никто уже не заходит в нижнюю комнату и не выходит из нее, я встал, потянулся, почесался и сказал Бораксу: «Пойду поищу уборную, скоро вернусь».

Направляясь к задней части здания и проходя мимо кухни, я встретил выходящего из нее крупного мужчину в темно-синей тунике, который шел в основной зал. «Это частная зона, – сказал он мне. – Чтобы пройти к уборным, выйдите через главный вход, заверните за угол направо и пройдите двадцать шагов прямо по улочке».

Решение нужно было принимать быстро. Поскольку он был похож на хозяина заведения, я тихо сказал: «Вообще-то, любезнейший, я слышал, что ваше чудное заведение проводит великолепные частные вечеринки. Надеялся получить приглашение». И я похлопал по звенящим в кошельке монетам.

Выражение его лица изменилось и стало заинтересованным, но он ответил: «Сегодня все занято. Частная вечеринка. Приходите завтра – будут симпатичные мальчики; или через три дня – будет открытый банкет, и, я уверен, мы подберем вам что-нибудь».

Я подошел ближе и прошептал ему почти на ухо: «Я слышал об особых вечеринках – не обычных ваших оргиях. Мне сказали, что приходить нужно ночью на *Ноны*».

Его лицо стало непроницаемым. «Я вас не знаю. Назовите ваше имя и оставайтесь в основном зале. Я сообщу… организатору, что вы заинтересованы. Он либо свяжется с вами,

либо нет. Но вам нельзя больше сюда приходить без приглашения. Теперь возвращайтесь в таверну и ждите там».

Вернувшись за столик, я присел рядом с Бораксом. Красситий дал мне настоящего профессионала, а не обычного бывшего гладиатора-пьяницу: к тому времени он еще ни разу не притронулся к вину. И тут я почувствовал, что этой ночью он мне пригодится.

Казалось, мы около часа просидели за угловым столиком, медленно попивая пряное вино, закусывая оливками, маринованным луком и редькой. Заведение наполнилось, как я предположил, обычной клиентурой. Это была смесь почтенных мужей, возвращавшихся после трудового дня, и дешевого развлекающего персонала, вышедшего на ночную работу.

Я видел, как один за другим мужчины проходили в заднюю часть здания, кивали по пути владельцу и спускались вниз. Всего я насчитал семь человек. Судя по их туникам и ухоженным волосам, все они были довольно состоятельными. Самому младшему было под тридцать, а самому старшему – около пятидесяти. Периодически я смотрел на Дидью, но она лишь украдкой качала головой и продолжала работу.

В какой-то момент во время нашего третьего кубка вина я увидел мужчину, который вошел и сразу направился к задней комнате. Это был абсолютно лысый человек со смуглой кожей невысокого роста, но стройного, грациозного телосложения. На вид ему было около сорока. Одет он был в темно-зеленую тунику с вышитым золотой нитью классическим узором из расположенных по краям квадратов. На поясе красовался великолепно обработанный кожаный ремень со сверкающей медной пряжкой и заклепками. Дидья еще не подала мне знака, но я уже знал, что это Зимаксис.

Когда он подошел к задней лестнице, владелец (чье имя я так и не узнал) выглянул и последовал за ним. Я наблюдал, как они стояли на ведущей вниз лестнице и перешептывались о чем-то. Владелец кивнул в мою сторону, и Зимаксис обратил на меня свой взор. Мы встретились глазами и некоторое время смотрели друг на друга.

Не отводя взгляда, Зимаксис движением руки прервал общение с хозяином и подошел к моему столику. «Как я понимаю, вы спрашивали обо мне», – сказал он, не представившись.

Перед тем как ответить, я несколько секунд рассматривал его. У него были бледно-зеленые глаза под цвет туники, чистый звонкий голос и искусственно выработанный акцент. Он производил впечатление интеллигентного, харизматичного мужчины. «Полагаю, что да», – ответил я.

«Оставьте вашего раба здесь и пойдемте со мной». Он развернулся и направился к задней части таверны. Я встал и последовал за ним.

Вместо того чтобы спуститься вниз по лестнице, он нырнул в пустую частную столовую недалеко от кухни. Повернувшись ко мне, он сказал: «Здесь мы сможем поговорить более открыто. Итак, кто вы и что вы обо мне слышали?»

«Меня зовут Феликс, некоторые называют меня Феликс Фокс. О вас я узнал от друга друга друга. Ходят слухи о различных старинных ритуалах, которые меня невероятно интересуют».

«А почему меня должны интересовать вы?»

«Сейчас я занимаюсь тем, что оказываю услуги другим людям, однако так было не всегда. Когда-то я учился в Коллегии Инкантаторум, но потом мой отец разорился, и я был отчислен с позором. Тем не менее я все еще интересуюсь подобными вопросами, и меня всегда влекло к истинным силам, управляющим этим миром. На жизнь я зарабатываю как лис – ищу предметы и ответы на оккультные вопросы для других. Однако, если то, что я слышал, верно, вы имеете лучшее представление о том, в чем состоит сила и что нас ждет в будущем».

Какое-то время он смотрел на меня оценивающе. «Интересно. То, о чем вы говорите, по-моему, звучит не вполне законно. Почему вы считаете, что я не стану на вас доносить?»

«Если то, что я слышал, правда, вы бы предпочли не связываться с чиновниками так же, как и я. Если же то, что я слышал, неправда, тогда вряд ли ваша или моя персона заинтересует их. Но если то, что я слышал, все-таки правда, то вам нужны такие люди, как я». Последнее утверждение было, конечно, догадкой, но если он управлял подпольным тайным обществом, то моя история должна была показаться ему достаточно интригующей.

Поразмышляв еще какое-то мгновенье, он, наконец, принял решение, что вполне читалось по его лицу. «Вы очень прямолинейны, а я ценю это качество. Пойдемте». Выйдя из столовой, он свернул на ведущую вниз лестницу.

* * *

Комната под таверной выглядела иначе, чем утром. В бра светились лампы, позволяя лучше рассмотреть омерзительные фрески. Все диваны и столы были сдвинуты к стенам. Два треногих стола стояли отдельно от других ближе к выходу. Один из них был накрыт простой черной тканью. На втором стояли какие-то предметы, но я не мог различить их, поскольку они были накрыты такой же черной материей. Весьма примечательно в центре комнаты с потолка свисала одна роза – все мероприятие проходило *sub rosa,* тайно. И все же я не почувствовал дрожи и не учуял присутствия колдовства.

Все семеро мужчин, которые спустились чуть раньше, были в этой комнате. Никто из них не сидел – все стоя разговаривали между собой. Как только мы вошли, разговоры прекратились, и все взоры обратились на меня.

«Друзья, – сказал Зимаксис, подходя к собравшимся мужчинам, – это Феликс. Он предложил себя в качестве кандидата в члены нашего маленького общества».

Пока Зимаксис говорил, я смог лучше рассмотреть остальных. Человек слева от меня был похож на купца. Ему было между тридцатью и сорока; одет в превосходную красную тунику, вышитую богатой золотой нитью, и белоснежную тогу. У него были изысканно подстриженные рыжеватые волосы и пухлые руки. Его кольцо гражданина с вычурной печатью было больше обычного.

Стоявший возле него мужчина был выше и стройнее, с хорошей осанкой. Ему было немного за сорок; подтянут, с коротко стриженными темными волосами, седеющими на висках. Он изучал меня с непроницаемым выражением лица. Я решил, что это человек военной профессии, а его золотое сенаторское кольцо говорило о его высоком звании.

Слева от него стоял мужчина с обветренными лицом и руками. Он был низкого роста, загорелый, жилистый; ноги широко расставлены. На нем была туника излюбленного фасона моряков. Очевидно, он был мореплавателем, хотя не могу точно сказать – военно-морского или торгового флота. Он излучал самоуверенность, и я решил, что он капитан.

Где-то за Зимаксисом стоял робкий маленький мужчина с тонкими темно-русыми волосами и голубыми глазами. По моей оценке, ему тоже было слегка за сорок. На его руках виднелись шрамы, но они почти полностью были скрыты добротной туникой и тогой. Он вел себя довольно пассивно, лишь изредка поглядывая мне прямо в глаза, но даже в этом коротком взгляде читался яркий ум. На нем было железное кольцо и пилос – небольшой конусообразный фетровый колпак отпущенных на волю рабов.

Следующий стоявший в кругу мужчина был самым молодым – ближе к тридцати годам. Скорее всего обученный *инкантатор,* что было видно по атрибутам на его ремне и по широкой шафранно-желтой полоске справа на его тунике. Его волосы были немного длиннее обычного, а по линии подбородка шла тонкая борода, модная среди богатых юношей нашего

города. Его кольцо гражданина было золотым, что говорило о его происхождении из сенаторского рода. Я решил, что это непокорный сын сенатора.

Предпоследний мужчина был единственным, помимо Зимаксиса, на ком не было кольца. Ему было между тридцатью и сорока; смуглый, со светлыми глазами и волосами. С его длинным прямым носом он выглядел как типичный гелликанец, что подтверждал и его гелликанский плиссированный хитон. Он смотрел на меня с нескрываемым любопытством.

Последний мужчина, стоящий сразу справа от меня, был еще одним *инкантатором*. На нем было железное кольцо и хорошая, но слегка поблекшая туника. Он был самым старшим и самым неопрятным из всех. Ему было слегка за пятьдесят; его редкие волосы были зачесаны на лысину; на тунике виднелись жирные пятна. Он посмотрел на меня с неприязнью, и моя реакция была взаимной.

Все собравшиеся были успешными мужчинами средних лет разного происхождения, жаждущие все больше и больше чего-то необычного, в чем я был абсолютно уверен.

«По сложившейся традиции, – продолжил Зимаксис, – на данный момент мы не будем никого представлять. Феликс будет приглашен присоединиться к нам лишь в том случае, если будет избран для инициации.

Все вы прошли инициацию и преданы нашему общему делу. Всех вас злит эта удушающая хватка, с которой коллегии взялись за наш город. Это тайное правление со стороны архаичных коллегий не позволяет честным гражданам идти к знаниям, успеху, власти! Мы, люди дела, люди завтрашнего дня, хотим избавиться от ярма, в которое нас впрягли, и восстать с новыми силами. Эгретии не дают реализовать ее истинный потенциал, и именно мы должны освободить ее от оков и вести к счастливому будущему, чтобы она во главе с нами заняла свое заслуженное первое место среди всех народов!»

Зимаксис остановился и сделал глубокий вдох. «Феликс должен так же, как и вы однажды, торжественно обещать хранить и доказать свою верность и преданность нашему общему делу, – сказал он, переведя свой взгляд на меня, то же сделали и все остальные. – Теперь ты должен доказать, что достоин и предан. Как и другие кандидаты, ты должен выполнить задание, подтверждающее твою ценность. Учитывая то, что, как ты сам мне рассказал, твой талант – вынюхивать словно лис предметы магии, я бы дал тебе задание принести в наше общество объект существенной ценности. Не просто богатства, а предмет, способствующий познанию, достижению цели. Ты должен найти и добыть то, что наши коллегии считают контрабандным товаром, то, что может быть применено образованными людьми в получении знаний, что сможет продвинуть нас в нашем деле. Сам решай, что это за вещь. Единственный совет, который я могу дать, – будь внимательнее. Это не должна быть какая-то побрякушка или банальный магический предмет, который любой преступник может купить на черном рынке, – а что-то, что способно поразить будущих правителей великой Эгретии.

Раздобыв такой предмет, принеси его нам в дар. Если мы примем такое подношение, то попросим тебя присягнуть на верность нашему общему делу. Ты должен будешь принять священную, скрепляющую клятву на крови вместе со всеми. Эта клятва не должна быть нарушена до твоей смерти и сделает тебя одним из нас. С того момента ты должен будешь посвятить всю свою жизнь, имущество и таланты нашему обществу и нашему общему делу».

Все глаза смотрели на меня. Лицо Зимаксиса светилось от его пафосной речи; выражение солдата и капитана было непроницаемым, как и раньше. Юноша и иностранец, казалось, были заинтересованы в моей реакции, впрочем, как и вольноотпущенный, который, в отличие от других, бросал косые взгляды. Взгляды купца слева и стареющего *инкантатора* справа от меня были недобрыми – не то чтобы они были явно настроены враждебно, но отнеслись ко мне с осуждением и неприязнью.

«Итак, – сказал Зимаксис, – ты принимаешь эти условия?»

В тот момент я еще точно не понимал, чем именно смогу заслужить их доверие, и само задание особо не беспокоило меня. Уже довольно долго я занимался поиском информации и небольших предметов силы, многому научился от моего отца, торговавшего антиквариатом и магическими атрибутами, и знал, как договориться с торговцами контрабандными товарами.

Однако меня действительно тревожила клятва на крови. Такие вещи могут иметь связывающее действие, и кто знает, что еще добавит туда Зимаксис. В итоге я могу оказаться у него в полном рабстве. Такие клятвы могут быть взаимными и обеспечивать верность людей друг другу, однако более темные из таких связывающих заклинаний серьезно влияют на связанного человека, вплоть до полного подчинения его воле. Казалось, другие участники не испытывают таких последствий, хотя это может говорить лишь о более тонком колдовстве. Мог ли я пойти на такой риск?

В конце концов у меня, конечно, не было большого выбора, поскольку все взгляды были устремлены в мою сторону. Я принял их условия, продемонстрировав максимальный энтузиазм, который только смог сыграть. Последовавшие реакции оказались вполне предсказуемыми – от улыбчивого одобрения до сдержанных кивков и едва скрываемого недовольства.

«Это мудрый выбор, – сказал Зимаксис, улыбаясь. – Уверен, ты выполнишь задания и пройдешь наши испытания. Однако сейчас мы попросим тебя покинуть нас. До инициации ты не можешь присутствовать на наших собраниях. О, вот и наш добрый хозяин Титус Септимий! Как раз вовремя».

Оглянувшись, я увидел входящего владельца таверны с большим серебряным подносом в руках, на котором стояло два кувшина. Довольно необычно, что в обоих кувшинах было вино, а не в одном – вино, во втором – вода. За ним вошла Дидья с кубками, хлебом и неглубокими мисками с оливковым маслом.

Септимий кивнул Зимаксису, поставил поднос на свободный столик и вышел из комнаты вместе с Дидьей. Проходя мимо меня, он бросил любопытный косой взгляд, но никак не прокомментировал ситуацию.

«И последнее, перед тем как ты отправишься на поиски, Феликс». Подойдя к двум отдельностоящим столикам, он убрал черную материю с накрытых предметов, и я увидел три небольших накрытых сосуда, похожих на *пиксиды,* используемые женщинами для хранения косметики. Открыв один из них, он взял щепотку чего-то, напоминающего молотые травы, и высыпал в один из кубков. Налив вино в кубок с травами и немного в другой кубок, он взял оба кубка и пошел ко мне, слегка разбрызгивая приправленное вино. «Сейчас, конечно, не время для клятвы на крови, но тебе надо понимать, что наши собрания должны оставаться в тайне, пока деспотические коллегии остаются у власти. Уверен, что ты докажешь преданность нашему общему делу, но в качестве обычной меры предосторожности я бы попросил тебя выпить вино из этого кубка перед уходом».

Он протянул мне кубок с приправленным вином, и я взял его. Подняв свой кубок, он воскликнул: «За свободные знания и за лучшие дни Эгретии!» – и выпил все до дна. Все перевели взгляд на меня.

«За свободные знания и за лучшие дни Эгретии!» – повторил я и испил из своего кубка.

* * *

Боракса, должно быть, встревожило выражение моего лица, поскольку сразу же после возвращения в основной зал я поспешил к выходу из таверны. Проследовав за мной, он увидел, как на углу я вставил два пальца себе в рот, вызвал несколько раз рвоту и вычистил все, что было в желудке.

Шатаясь, я подошел к ближайшему перекрестку и промыл рот водой из фонтанчика. Лишь тогда я ответил Бораксу на его вопрос о том, все ли со мной в порядке.

Вернувшись в «Битый череп», мы сели за ранее занятый нами столик. Мне хотелось обдумать все, что только что произошло, но также нужно было оставаться вблизи места встречи тайного общества. К этому времени в заведении собралось довольно много людей – патроны пили, ели и общались; путаны высматривали клиентов, а воры – своих новых жертв. Как только мы присели за столик, я вынул из туники небольшой мешочек, который всегда ношу с собой, и взял оттуда несколько травинок. Медленно разжевав их, я запил горечь вином.

Зимаксис, должно быть, *венефицитор – инкантатор,* специализирующийся на области магии *венефициум,* занимающейся травами и ядами. Если для достижения своих целей он использует зелья и снадобья, это объясняет, почему я не мог почувствовать присутствия магии в той комнате. Любые дополнительные заклинания, активирующие его добавки, могли быть наложены заблаговременно и в другом месте. Мне оставалось лишь надеяться на то, что немедленное изгнание обработанного вина и прием противоядия, которое я разжевал, устранит любое предназначенное для меня Зимаксисом действие.

Тем не менее я не хотел оставаться здесь надолго. Когда Дидья в следующий раз проходила мимо нашего столика, я подозвал ее и сделал вид, что еще раз прошу о ее услугах. Краем глаза я увидел, как владелец пожал плечами и указал ей на лестницу.

В комнате я сдержал ее руки, не дав снять тунику, и посмотрел в ее голубые глаза. «Несмотря на то что идея эта очень заманчива, сейчас мне нужно задать тебе несколько вопросов. Оплата будет такой же. Я видел, как ты приносила вино на собрание Зимаксиса. Ты знаешь о тех небольших сосудах, *пиксидах,* которые он держит на столе возле вина?»

Она кивнула, и я продолжил. «Я вошел в комнату вместе с ним, но сосуды уже были там. Он всегда их там держит?»

«Мой хозяин хранит эти *пиксиды* для него в специальном сундуке под замком, и только Зимаксису разрешено открывать их. Он все время приходит и вновь наполняет их – обычно за день до их собраний».

«У тебя есть к ним доступ? Можешь достать для меня образец содержимого?»

«Нет! Мой *доминус* поколотит меня! Этот сундук заперт и стоит в его комнате, и даже если бы я могла открыть его, то меня высекли бы только за то, что я рыщу в комнате хозяина!» Она вся задрожала.

«Нет, мы не допустим этого». Обняв ее, я подождал, пока она успокоится.

«Тогда я придумаю другой способ достать их. Мой работодатель чрезвычайно заинтересован в их содержимом и мог бы щедро отблагодарить». Поразмыслив немного, я спросил: «Скажи, а ты когда-нибудь помогаешь подготовить эту комнату или убрать ее после их маленьких собраний?»

«Хозяин подготавливает ее вечером. Зимаксис дает ему особые указания, и иногда у них бывают… другие вещи там, – она опять вздрогнула. – Хотя иногда, когда *доминус* слишком занят или просто слишком устал, он отправляет меня убрать там, а потом сам прячет эти сосуды и другие атрибуты. Вот почему я знаю, что он запирает их».

«В таком случае у меня есть план. Я мог бы утомить твоего хозяина песнями и выпивкой. Если он отправит тебя сегодня убирать в той комнате, могла бы ты отсыпать немного из каждой *пиксиды?* Щепотки будет достаточно. Мой работодатель будет очень признателен и достойно вознаградит тебя за риск».

В конце концов основную роль сыграло обещание денег, которые станут существенным вкладом в ее фонд освобождения. Я также пообещал ей десять *динариев* за каждое услышанное ею имя участника тайного общества и оставил пять серебряных *динариев* в качестве предоплаты за образцы трав и имена.

Деньги лежали на столе, мои руки – на ее плечах, и мы опять закончили наши разговоры в постели.

В главном зале Боракс терпеливо ждал меня за нашим столиком. Чтобы не рисковать, привлекая к себе внимание, мы расплатились и покинули заведение. На улице я в общих чертах описал Бораксу свой план. Он не был прирожденным актером, но эта роль довольно хорошо ему подходила.

Мы отправились бродить по улочкам Кливи Инфериор как два старых приятеля, предавшихся пьяному разгулу. Проходя мимо людей на улице, мы громко обсуждали все достоинства вина и путан в «Битом черепе». Мы восхищались этим похотливым старикашкой, который завтра женится на милой юной девушке и так рад этому, что угощает там всех выпивкой. Мы обсуждали обслуживающих девиц в «Битом черепе», их достоинства и размеры. Мы даже зашли еще в несколько таверн, выпили там вина и громко ругались, жалуясь на то, что вино и в подметки не годилось тому, что подают в «Битом черепе», и заявляли, что пойдем обратно в то неземное место со сладким вином и дружелюбными проститутками. Тем вечером было нетрудно найти празднующих людей, так как это был первый день *Мегаленсес Луди*, и многие гуляли в округе в поисках приключений.

К тому времени, как мы кружным путем опять вернулись к «Битому черепу», он был просто забит. Новые посетители с рвением заказывали вино и еду, создавали спрос на местных дам, встречали старых друзей и коллег и, в общем, веселились от души. Владелец, должно быть, был удивлен столь внезапным наплывом, но слишком занят подсчитыванием прибыли, чтобы задаваться этим вопросом.

Мы с Бораксом ожидали снаружи возле общественного фонтанчика у площади вверх по улочке, лишь изредка заходя внутрь, чтобы разведать обстановку. Чем ближе к ночи, тем веселее становилась гулянка. Когда веселье, казалось, начинало затихать, мы находили способ, не привлекая внимания, заказать для всех выпивку. Я не видел, чтобы Зимаксис или кто-либо еще из тайного общества покидал таверну, но, учитывая ту толпу, которая собралась в заведении, я мог упустить их из виду. Дидью я видел лишь мельком – все это время она была занята ночным действом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.